

Сто российских журналистов приняли участие в пресс-конференции президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко (1.10.2010)

КОМУ НУЖНА ТАКАЯ ПОЛИТИКА?

Дорогие друзья!

Я прежде всего хочу всех вас приветствовать, надеюсь, в вашей Беларуси. Я бы этого очень хотел. Именно потому, что мы – россияне и белорусы – один народ. Волею судеб и политиков оказавшийся разделенным на два государства.

Восемь лет назад, когда впервые столь представительная группа российских журналистов посещала Беларусь, мною была сформулирована цель нашего общения – донести до миллионов россиян правдивую, незамутненную информацию о том, как живет белорусский народ, как он видит свое будущее и как он к нему идет...

Годы прошли, а цель эта не просто не утратила своей актуальности, а обрела еще большую значимость.

Ведь если раньше российское информационное пространство было для белорусской тематики просто закрытым, то сейчас, к сожалению, в него целенаправленно закачивается поток бессовестного вранья, дезинформации, да и просто откровенных нелепостей.

Все это предназначается вам, россиянам. И цель инициаторов этой кампании ясна – убедить людей на пространстве от Калининграда до Владивостока в том, что белорусы – это чуть ли не враги. Их президент – вор, убийца, предатель, а сама Беларусь – вечная нахлебница России.

Бред полный, конечно. Я уверен, что россияне люди умные. Они понимают, что происходит. И сегодня я могу сказать, что восемь лет назад, когда мы договорились о том, что журналисты, люди сведущие, приезжая к нам, будут рассказывать ту правду, которая есть в Беларуси, и доносить ее до россиян. Вот это и есть великое наше достояние...

Я далек от того, чтобы просить вас радужными красками рисовать белорусскую действительность. Мне это не надо. И не думаю, что кто-то из вас, побывав в Беларуси, это попытался сделать. Я хочу, чтобы вы просто почувствовали, что такое сегодняшняя Беларусь. Чем она живет. Какие у нее перспективы. На самом ли деле Беларусь и ее президент вас

«предали»? Это я цитирую центральные СМИ России. Ясно, под чью дудку они пляшут и кто эту музыку заказывает. Действительно ли белорусы и Президент Беларуси сделал некий поворот не то над Тихим океаном, не то над Атлантикой и повернул в обратную сторону от России? Вот я хотел бы, чтобы вы получили ответы, почувствовали их, будучи на земле белорусской. Для кого-то из вас это, конечно, будет новость. Потому что то, что я говорю, что записывается центральными средствами массовой информации России, не доходит до россиян. Наоборот. Препарируется, утрируется и преподносится в том ключе, в котором это кому-то сегодня выгодно. Так вот я хочу сказать следующее. Вы, россияне, должны быть уверены, абсолютно убеждены в том, что Беларусь – это не только земля белорусская для белорусов. Это и ваша земля. Это ваша Беларусь. Так же, как Россия – это наша Россия. И мы от таких чувств и взаимоотношений никогда не отказывались и не откажемся как бы сложно и трудно нам ни было. Еще раз хочу подчеркнуть. Мы не обижены на россиян и российский народ. Не обижены, потому что знаем: все, что происходит сегодня вокруг Беларуси, – это затея кучки политиков. Пусть даже и высокопоставленных. Но мы очень хорошо знаем Россию. Россия не только многонациональна. В России огромное количество мнений. И я уверен, что в России очень много людей, которые нас понимают.

А теперь я хотел бы сосредоточиться на ответах на те вопросы, с которыми вы пришли. Наша пресс-конференция записывается. Она будет в полном объеме транслироваться в Беларуси и по спутниковому телевидению, которое, я знаю, смотрит немало людей и в России. Ничего скрывать не будем. Будем говорить абсолютно откровенно. Единственное... Не дай бог нас опять у вас наверху неправильно поймут. Начнут этот разговор интерпретировать как очередной наскок на лидеров Российского государства. Вот этого я бы очень не хотел. Но тем не менее я вам обещаю, что я честно и откровенно буду отвечать на те вопросы, на которые в общем-то иногда политики не отвечают...

«Партнеры себя так не ведут»

Запись на видеоблоге президента Д.А.Медведева

Отношения России с другими странами уже не раз становились темой моего видеоблога. Я рассказывал вам и о том, как складывается наше сотрудничество с Соединенными Штатами, объяснял, почему считаю важным участие нашей страны во встречах «двадцатки» ведущих экономик мира. В один из, может быть, самых драматичных моментов в отношениях с Украиной, летом прошлого года, я поделился с вами своими соображениями о том, почему исчерпали себя попытки наладить диалог с президентом Ющенко.

Сегодня я хочу поговорить о том, что происходит в отношениях с самым близким нам союзником – с Белоруссией. Поговорить и с россиянами, и с белорусами. Ведь все мы – граждане Союзного государства.

По моему глубокому убеждению, наша страна всегда относилась и будет относиться к белорусскому народу как к самому близкому своему соседу. Нас объединяет многовековая история, совместная культура, общие радости и общее горе. Мы всегда будем помнить, что наши народы – а мне все время хочется сказать: наш единый народ – понесли огромные потери в ходе Великой Отечественной войны. Вместе мы прошли и через страшные тяготы коллективизации, голода, репрессий.

Сейчас Россия и Белоруссия являются партнерами в Союзном государстве. И обе наши страны также активно участвуют в создании Таможенного союза, в развитии ЕврАзЭС, ОДКБ, Содружества Независимых Государств. Мы намерены в полной мере расширять свое сотрудничество с Белоруссией в рамках этих организаций. И будем, конечно, настойчиво внедрять современные формы экономического взаимодействия, причем в полном соответствии с мировой практикой отношений между такими близкими союзниками, какими являются наши страны.

Исходя именно из этого мы всегда помогали белорусскому народу. По сути, с момента распада Советского Союза, а это почти 20 лет, объемы этой поддержки, что бы там ни говорили, огромны. Только в этом году за счет льготных поставок нефти наша помощь Белоруссии составила почти два миллиарда долларов. Сопоставимые дотации выделяются и в рамках поставок в Белоруссию российского газа. Делаем мы все это, потому что убеждены: наши народы связаны неразрывно.

Поэтому особенно удивительно, что в последнее время руководство Белоруссии приняло на вооружение антироссийскую риторику. Предвыборная кампания там целиком и полностью построена на антироссийских сюжетах, на истерических обвинениях России в нежелании поддерживать белорусов и белорусскую экономику, проклятиях в адрес российского руко-

водства. За всем этим видно отчетливое желание поссорить государства и, соответственно, народы.

Стремление сформировать в общественном сознании образ внешнего врага всегда отличало белорусское руководство. Только раньше в этой роли выступали Америка, Европа, Запад в целом. Теперь одним из главных врагов объявлена Россия.

Президент Лукашенко в своих высказываниях выходит далеко за рамки не только дипломатических правил, но и элементарных человеческих приличий. Впрочем, это тоже не стало для меня новостью. Я помню, как я был удивлен, когда при нашей первой двусторонней встрече, вместо того чтобы сосредоточиться на российско-белорусском сотрудничестве, он очень подробно и исключительно в негативной манере принимался обсуждать моих предшественников на посту президента России – Бориса Ельцина и Владимира Путина. Мне пришлось напомнить тогда коллеге, что предметом наших переговоров являются совсем другие темы.

Такое своеобразное понимание партнерских отношений Лукашенко продемонстрировал и в вопросе признания Белоруссией Южной Осетии и Абхазии в качестве самостоятельных участников международного сообщества. Я неоднократно говорил: признавать или не признавать два этих новых государства – суверенное право каждой страны. И мы никогда ни на кого не оказывали давления в этом вопросе. Хотя для нас это безразлично.

При этом президент Белоруссии заявил о готовности сделать это в присутствии своих коллег, пяти президентов. Есть соответствующая запись, если уж

откровенно говорить, – осталась в протоколе заседания ОДКБ. Затем этот вопрос превратился в постоянный объект политического торга.

Но Россия не торгует своими принципами. Подобное поведение является бесчестным, и партнеры себя так не ведут. И, конечно, мы будем учитывать это при выстраивании отношений с действующим президентом Белоруссии.

Зато в адрес России и ее руководства идут потоки обвинений и брани. На этом построена вся избирательная кампания Лукашенко. Его беспокоит очень многое: и наведение порядка в наших экономических отношениях, и обилие российских средств массовой информации с белорусской оппозицией, и даже судьба некоторых наших высокопоставленных пенсионеров и уволенных чиновников.

Президенту Белоруссии следовало бы заниматься внутренними проблемами. В том числе, наконец, расследовать многочисленные дела об исчезновении людей. России, как и другим странам, это не безразлично.

Конечно, не это определяет отношения между народами и отдельными людьми. В этом я уверен как президент Российской Федерации. Я также уверен, что эта бессмысленная полоса напряжения обязательно закончится.

Хотел бы прямо сказать: Россия готова к развитию союзнических отношений с Белоруссией. Более того, кто бы ни руководил Россией и Белоруссией – наши народы навсегда останутся братскими. Мы хотим, чтобы наши граждане жили не в страхе, а в атмосфере свободы, демократии и справедливости. И мы готовы идти этим путем вместе с нашими белорусскими друзьями. ■

Анна Мелизгинова, информационное агентство «Двина-Информ»: Вопрос простой. Как вы как руководитель Беларуси оцениваете сегодняшние взаимоотношения между Россией и Беларусью? Какие могут быть перспективы развития этих взаимоотношений? Спасибо.

А.Г. Лукашенко: Вы знаете, условно наши взаимоотношения можно разделить на три уровня. Первый уровень – это взаимоотношения наших людей и предприятий. Там, где еще политика не вмешалась в эти отношения, все идет более или менее сносно. Особенно на уровне людей. Я думаю, здесь очень сложно выстроить какие-то барьеры и столкнуть наши народы. В Союзном государстве, когда мы стремились к тому, чтобы выравнивать права граждан в России и в Беларуси, сделано немало. В области образования, здравоохранения. Вы это знаете. И разрушить это вряд ли кому-то удастся. Если, конечно, Россия не откажется от тех наработок и от тех законодательных актов, договоров, которые подписаны. Но, я думаю, что нет. Потому что это будет во вред российскому обществу и россиянам. Мы от этого отказываться не намерены. Мы свято будем соблюдать те договоренности, которые касаются взаимоотношений наших народов. Второй уровень – предприятия. Еще раз подчеркиваю, если туда еще не успели вмешаться заинтересованные люди и политики, то здесь тоже, можно сказать, более или менее нормальные отношения. Потому что товарооборот за 6 месяцев этого года вырос почти на 30 процентов. А товарооборот, как известно, делают предприятия. Они продают эту продукцию. Третий уровень – взаимоотношения регионов и региональных лидеров. Здесь не все так плохо. Но и не так хорошо, как было раньше. Потому что в свое время губернаторы имели некую большую степень свободы в связи с тем, что они избирались населением, и губернаторы крепче, помужественнее ехали в Беларусь. Я не помню, чтобы было какое-то противодействие им в посещении Беларуси. Мы очень, очень многое с ними сделали. В свое время, если бы не прямые отношения Беларуси с регионами России, мы вообще бы имели плачевное состояние в области наших отношений. Но сегодня ухудшения небольшие есть. Потому что есть и указания из Центра: туда ехать, сюда не ехать, это решать, это не решать. Но это детали.

Что касается наших межгосударственных отношений на уровне глав государств и правительств, то, мягко говоря, они желают быть лучшими. Да и, наверное, мне нет необходимости характеризовать эти отношения. Вы видите, что происходит в последнее время. И, несмотря на это, тем не менее я абсолютно уверен и убежден, что вот эта тактика (не думаю, что это стратегия российского руководства) сойдет на нет. Потому что потерял Беларусь для России – это катастрофа. Катастрофа не только геополитического масштаба, но и прежде всего морального. Это самый близкий и самый надежный народ для России, это фактически один народ – россияне и белорусы. И почему я говорю о моральном? Потому что вы знаете, как реагирует на это российское общество. Поэтому мне кажется, эта недуманная политика, которая навязывается сегодня нам, недолговечна. Перспективы у наших отношений хорошие. Основа и база для этого есть. Как бы сегодня ни замалчивались успехи, которые имеем в рамках проекта Союзного государства. Они все-таки есть, и ни одно государство с Российской Федерацией таких отношений не имеет. Поэтому есть основа для развития. Будет на это воля Российского государства и руководителей прежде всего, элиты вашей, как принято у вас говорить, в течение трех месяцев, максимум за полгода, мы не просто выстроим отношения, не просто вернемся на тот уровень добрых отношений, которые у нас существовали, но и значительно превзойдем этот уровень. Мы к этому готовы. Как вы понимаете, слово не за нами.

Андрей Антонов, газета «Новый Петербург»: Действия некоторых российских СМИ вы назвали дезинформационными. Я бы сказал, они даже провокационные. Поскольку, считая, противоречат общественным интересам Российской Федерации. Скажите, нельзя ли эти действия расценивать как попытку спровоцировать информационный или, может быть, иной конфликт с Республикой Беларусь? Не собираются ли бе-

лорусские СМИ предпринимать ответные шаги? Как можно оценить роль белорусской оппозиции в этой ситуации?

А.Г. Лукашенко: Я не хотел бы много говорить на эту тему. Многое из того, что вы сказали, Андрей, и так вам понятно. Вы общались здесь, задавали много вопросов ответственным людям. Уверен, и они недоуменно ставили вопрос. Как и наши министры министрам российским: «Что происходит?» Это первый вопрос. Второй: «Зачем это надо?» Или: «Кому это надо?» Поэтому, общаясь на эту тему, я думаю, вы уже сформировали свое мнение. Оно вряд ли будет отличаться от того, что я скажу. Вы говорите о действиях российских СМИ. Вы же знаете, что заказывает подобные вещи! А ведь это вообще недопустимо в международной практике. Только в военное время, когда идет война между государствами, такое случается. СМИ, о которых речь, полностью подконтрольны власти. Как бы мы их ни называли, частное НТВ или нечастное, государственное РТР или негосударственное, все они финансируются знаете из какого кармана. НТВ – это газпромовский фактически канал. И вся его грязь финансируется Газпромом. Газпром – государственная компания. Кто там рулит и командует, вы тоже это знаете.

Показывают: президент России, видите ли, поехал в Китай, чтобы озаботиться нашими выборами. Россией бы занимался больше, пользы бы больше было бы. Вы знаете, как все это делается. Это не российские СМИ. Это надо брать повыше. И мы знаем: у нас есть стопроцентное доказательство, как это делалось. С конкретными кадрами, с конкретным материалом, кто делал и кто давал команды.

И об ответных действиях... Конечно, мы не будем молчать, если ситуация потребует ответа. Но сегодня на что отвечать? На ту грязь, которая льется? Только больше вымажешься этой грязью.

И потом. Оправдываться или отвечать? Надо понимать, что этого от нас прежде всего ждут те, кто давал команду. Они ждут, что мы начнем втягиваться в эту драку. Мы хотим быть в этом отношении, и я прежде всего, порядочными людьми. И мы прямо сказали, что мы на эту грязь сегодня отвечать не будем. Нет сегодня той ситуации, чтобы мы в ответ на эти пушечные выстрелы тоже начали грохотать из всех пушек. Которые, кстати, мы вместе с россиянами создали в советские времена. Нет необходимости!

Поэтому мы не собираемся реагировать на грязь. Зачем? Если показывают пятилетнего ребенка и поливают его грязью, любой же из вас, имеющий детей, – тут практически все имеют детей – смотрит с презрением и брезгливостью на это. Зачем мне еще втягиваться в это и что-то доказывать? Зачем мне сегодня говорить, что я не ворую в год 7 миллиардов? Очень все просто. Я уже недавно говорил это Бушу, сегодня могу сказать Медведеву или вашему всему тандему: «Найдите – заберите». Украсть 7 миллиардов в год даже в Кремле невозможно. С их возможностями! 7 миллиардов в Беларуси – вы представляете, половина государственного бюджета. Любой, даже обычный, простой человек – а это на них вранье рассчитано, не на вас – он понимает, что это невозможно. Но что касается белорусов, когда они слышали, что их президент вор, то даже те, кто не хотел за меня голосовать, уверен, будут за меня голосовать. Поэтому что понимают, что происходит.

Или Лукашенко – сторонник Гитлера... Вспомните середину 1990 годов. Бориса Николаевича (Ельцина. – Прим. ред.), царство ему небесное. Вы уже чуть в НАТО не вступили. А я помню февраль 1995 года. Это первое мое мероприятие в качестве президента. Я вышел и сказал, что такое продвижение НАТО на восток и что мы категорически против этого. И еще, помню, президент тогдашний России мне говорил: «Александр Григорьевич! Ну вы поаккуратней с ними. Ну не надо так с ними». Мы это в открытую говорили.

Мы никогда не сворачивали мероприятия, посвященные нашей Победе 9 Мая. И как вы помните, я провел референдум. И День независимости был назначен народом на референдуме. Мое было предложение – на день освобождения Минска от фашизма.

Так исходя из этого, какой же я профашистски настроенный человек? Это если говорить об основных эпизодах ваших этих

фильмов в России. Полный абсурд. И люди, глядя на это, делают для себя выводы. Мне в это надо еще ввязываться? Нет. Я это и не делаю. Вот наш ответ. Мы спокойно занимаемся своим делом. У нас слишком много проблем для того, чтобы отвлекаться на эти дразги. Ведь так может дойти и до личных оскорблений и с моей стороны. И тогда уже будет очень сложно вернуться даже к тому, что у нас уже было в отношениях с Россией.

То, что лично меня оскорбляют, я еще перенесу. Ну что поделаешь? Ну такой старший брат у меня...

Теперь об оппозиции. Как я отношусь к тому, что они вещают на российских каналах? Сносно к этому отношусь. Сносно. Меня поражает позиция вашего руководства. Может, они многого не знают? Или их это не очень интересует? Они-то и в России не очень интересуются, что происходит там, далеко за Уралом. Дальше кольцевой дороги Московской.

И я их часто упрекал в этом. Говорю: вы вообще не знаете, что происходит в Беларуси. Вы не знаете настроения наших людей. Очитесь! Разберитесь. У вас же достаточно здесь, в посольстве, людей. Да и вы, журналисты, приехали. Вы же живые агенты в хорошем смысле слова. Можете и власти, и народу сказать, чем живет Беларусь. Они этого не знают.

Мне пришлось элементарное объяснять. Я это говорю к тому, что они сегодня не знают, что такое вот эта оппозиция, которой сегодня предоставлено право вещать на всех российских каналах. Кстати, все каналы эти идут в Беларусь. И мы ни одного высказывания этого не закрыли, не запретили, как у вас это часто делается. Ни книжек, ни газет – пишите, говорите.

Самое страшное, что они предоставили право вещать людям, которые на дух не переносят Россию. Это люди, которые вчера и сегодня получают гранты в Западной Европе и Америке. Но сегодня еще один спонсор у них нашелся: бизнес России. И мы знаем, кто эти деньги платит. Недавно задержали курьера, который в нарушение законов перевозил через границу 200 тысяч долларов. Странно. Площадки созданы в Литве, Польше и Германии. И оттуда подают в Беларусь российские деньги. И напрямую – через границу Россия–Беларусь. Здесь проще. Но мы это тоже знаем.

Полушутя, полусерьезно я сказал недавно: если у кого-то в России лишние деньги – пусть платит. Это тоже инвестиции в наше общество. Потому что эти оппозиционеры пойдут и что-то купят на белорусском рынке. Поэтому вот этот эфир, который сегодня дается нашим оппозиционерам, я в какой-то степени оцениваю положительно. Потому что думаю, что быть совсем уж безразличным к тому, как будут наши отношения развиваться, российское руководство не может.

А то они делают ставку на бесполезных, бесперспективных людей в Беларуси. Значит, не очень серьезно настроены с нами потерять отношения. Может быть, хотят немножко нас наклонить, приструнить, может быть. Если бы они серьезно думали этим заниматься, мы бы это видели.

А то, что они делают с оппозицией... Ну и пусть делают. У них знаете сколько сторонников? Чистых сторонников нашей оппозиции? 400 человек – это боевой отряд. Самые массовые, которые в открытую могут противостоять власти на митингах, демонстрациях, – 800 человек. Ну может быть, тысяч 100–150 еще могут их поддерживать на выборах.

Пожалуйста. Каждому дано право сегодня, особенно в предвыборный период, говорить и решать судьбу нынешнего президента и других претендентов так, как они считают нужным. Такой период сегодня предвыборный. Я не только об этом так говорю. Но так и делаю. И будем делать. Поэтому никаких ответных действий в подобном ключе мы предпринимать не будем. Вот сегодняшнюю нашу встречу можете рассматривать как одно из ответных действий. Где я честно и откровенно вам рассказываю, что происходит. А вы, побывав здесь, судите сами, кто прав: те СМИ, о которых вы говорите, или я и та действительность, которую вы сегодня видите в нашей стране?

И второе. Не подменит ли собой единое экономическое пространство и Таможенный союз саму идею создания Союзного государства? Спасибо.

А.Г.Лукашенко: Ну вот, Иван, вы связали очень правильно эту тему с Союзным государством. Я просто хотел бы вам задать риторический вопрос.

В Союзное государство мы приглашали всех: и Казахстан, и Украину. Вообще, когда мы создавали с Борисом Николаевичем Союз Беларуси и России, замысел был на деле продемонстрировать его преимущества. Прежде всего Украине. И Леонид Данилович Кучма, тогдашний президент Украины, говорил: «Так вы покажите нам эти преимущества». И тогда было непросто. Вы же помните, когда на ОРТ Борис Березовский выпускал Ельцина и под аккомпанемент «шереметовских» проделок на границе Ельцин кричал: «Шеремета пусть отпустят». Непросто было. Но когда мы встречались с тогдашним президентом, мы о многом договаривались. Я вам скажу откровенно: он любил Беларусь. Он просто любил страну. И неправду говорят, что у Ельцина были какие-то обязательства перед белорусами и другими странами после развала Советского Союза. Никто этими категориями тогда не мыслил. Просто у человека были соответствующие чувства. Он из той Советской страны вышел. Он жил в ней, он знал много о ней. Поэтому удавалось решать некоторые проблемы. И немало удалось решить. Но было непросто. Поэтому нам президент Украины так и отвечал: «Ну посмотрим». Если бы мы в этом отношении продвинулись с Путиным в свое время, прошли ту дорогу, которую мы с ним запланировали. Мы же с ним обменивались ратификационными грамотами. Союзный договор с Ельциным подписали. Ельцин ушел, а все процедуры юридические проходили при Путине. Мы обменялись, история эта запечатлена журналистами. Поэтому Путин не может сказать, что он был против того Союзного договора. Более того, даже Медведев публично говорил, что тогда, работая то ли в аппарате правительства, то ли в администрации президента, как юрист правил этот договор и ставил свою визу. С гордостью об этом заявлял. Поэтому сказать, что это проект только Ельцина был, – неправда. К этому было причастно и нынешнее руководство России.

И я еще раз подчеркиваю, это был хороший пример. И особенно для России. Она хочет собрать земли, как у вас принято говорить, вокруг себя. Она хочет подтянуть государства и народы. Но, увы, этого не произошло. А вместо того, чтобы создавать Таможенный союз, нам бы просто надо было сделать Союз. Потому что как бы то ни было, проект Союзного государства был очень продвинутым направлением. Я говорю, что в Таможенном союзе не будет того, что касается людей: здравоохранение, образование и так далее. Дай Бог, чтобы мы экономическую часть как-то прошли. И было бы логично к Союзному государству, к тому, что мы уже наработали и чего достигли, подтянуть Казахстан и другие государства. Нет. Почему-то России и ее руководству оказался этот проект невыгоден. Предложили сначала ЕЭП...

Вместо того чтобы двигаться по накатанной колее и основываться на том, чего мы достигли в Союзе Беларуси с Россией, и подтягивать к этому другие государства, делать более привлекательным наш Союз, мы занялись иными проектами. Так появился в том числе и Таможенный союз. Ну что же, Таможенный союз, значит, Таможенный союз. Знаете, кто очень настаивал на этом проекте? Кто очень радел за него и сейчас радуется. Мы не стали поперек. Хотя для нас с Россией это уже пройденный этап.

Что мы получили? Экономика Казахстана и России разительно отличается от белорусской. Казахстан захлебывается от энергозависимости. Россия захлебнулась от них. У нас их нет. Мы очень зависимы от Казахстана и России. У нас разные экономики. У нас реальный сектор экономики – сельское хозяйство, промышленность, транспорт, связь, коммуникации – то, чем живут люди. Вот в зале, где вы сидите, все создано нашими руками. Это все делали мы сами. У нас высокие технологии. Но мы, естественно, зависим от сырья. И для нас очень важно было, как себя наши партнеры поведут в этом направлении. Я опасался год или больше тому назад, когда мы шли на

Иван Макушук, журнал «Союзное государство»: Беларусь является соучредителем Таможенного союза. Насколько этот союз выгоден Беларуси и какая из стран-участниц получает наибольшие бонусы от участия в этом союзе?

Таможенный союз, именно этого и публично об этом сказал правительству. Оказалось, что то, чего я опасался, и произошло. Нам повысили 5 раз подряд цены на природный газ, выйдя из соответствующего договора. Россия вышла из этого договора. Кто бы мог подумать, что в Союзном государстве Россия выйдет из договора о равных условиях для функционирования субъектов хозяйствования. То есть поставили в неравные условия наши предприятия. Какой же это Союз? Но мы и это стерпели. Затем нам ввели пошлину на нефть. Затем – на светлые нефтепродукты: солярку, бензин, керосин и так далее. Короче, поступили, как с самым злейшим врагом России. Поэтому судите сами, что мы получили на сегодняшний день от Таможенного союза.

Нам сказали так: вот это Таможенный союз, мы подписали документы, но когда ЕЭП создадим (единое экономическое пространство), не будет ни пошлин, ни того ни сего. И мы будем стремиться, чтобы с 1 января 2011 года это произошло. А равный доступ к трубопроводам? В России не все субъекты хозяйствования имеют к ним доступ. Допустим, к газовой трубе. Там монополист один, вы знаете. И нас хотят убедить в том, что до 1 января будет согласован проект по доступу тех же казахов в эти трубы? Да никогда в жизни. Так это и происходит. Идет затягивание процесса. Фактически нас обманули. Но давайте подождем до 1 января и посмотрим, что произойдет. Это очень тяжелый процесс. Боюсь, что кому-то это не надо. Так было часто в наших отношениях с Российской Федерацией. Поэтому если Таможенный союз состоится на тех принципах, как это принято в мире, классических принципах, или даже тех принципах, о которых мы договорились втроем, я думаю, что для Беларуси это будет неплохо. 170 миллионов человек – рынок. Никаких барьеров и препятствий в торговле. Мы не боимся, что нас задуют Россия. Не боимся, что она придет на наш рынок. Абсолютно. Но и Россия не должна препятствовать нашему движению ни в Казахстан, ни к себе. Это и есть Таможенный союз. Но пока Россия блокирует поставки нашей продукции... Вы же помните это: и «сахарная война», и «молочная война». И главный там идеолог и торговый представитель – Онищенко. Он главный специалист и по молдавским винам, и грузинскому боржоми, и по нашему мясу и молоку, сахару.

Вы знаете, как включались эти рычаги. Не говоря уже о госзаказе российском, где белорусов велено «не пускать». А почему? Это же нормально, когда будет конкуренция. Если вы хотите закупить, допустим, грузовые автомобили для Вооруженных сил – вы дайте возможность нашему МАЗу на равных конкурировать с КамАЗом, с ГАЗом и так далее. Вы же мощные. Чего вы боитесь? Не пускать! Почему? Потому что вы не выдерживаете конкуренции с нашими предприятиями ни по качеству, ни по цене.

Вы были на «Амкодоре». Вам демонстрировали некоторые образцы техники МТЗ, МАЗ, «Амкдор». Но это мизер из того, что они производят.

Я вам скажу, что МТЗ наш в советские времена выпускал две модели тракторов – 80 и 82. А сегодня – более 85 модификаций. Это в то время, когда мы почти каждый год подвергались прессингу с вашей стороны. И прессинг этот был нешуточный. Когда в два раза цены на природный газ повышали. Когда до 150 долларов цена на нефть подскочила в позапрошлый год. Да и сейчас она для нас немаленькая. Ну пусть бы было так. Но так должно быть и для ваших предприятий, и для наших предприятий. Чтобы были равные условия для конкуренции.

Я часто говорю: как мы с вами можем конкурировать по огурцу, если для ваших теплиц газ – 10 долларов, а для наших, со всеми льготами, которые мы можем только предоставить, чтобы не потерять тепличные хозяйства, – до 230 долларов. Представьте, как можно конкурировать? Это просто удушение. И нам говорят: вот белорусы сегодня нам должны, отрицательный баланс платежный и так далее. Так вы нас не пускаете на рынок, чтобы мы могли у вас честно заработать и вам же заплатить за энергоносители.

Аппарат Бородина в Союзном государстве подсчитал: мы даем в России 15 миллионам человек работу. Они делают комплекующие. Мы все, как было в советские времена, получаем сюда на финишное производство. От энергоносителей до ком-

плекующих: металл и прочее. Все получаем оттуда. И даем 15 миллионам работу.

И когда Путин, правительство России ввело ограничения – туда нас не пускать, кредиты не давать, короче, закрыли нам российский рынок, я говорю: «Что вы делаете? Вам что, мало безработных? Вы еще 15 миллионов добавьте». Но мы терпели. Мы диверсифицировались, мы искали другие рынки, чтобы торговать. Появились и Венесуэла, за что нас критикуют, и Иран. Ну разве мы за тридцать земель пошли бы искать свое счастье? Да нет. Никогда в жизни. Но коль наш старший брат, наш союзник, наша Россия закрылась для нас, и даже когда мы, карабкаясь, как-то пытались продать свою продукцию – вы помните, нас на границе начали закрывать по молоку, по мясу и по сахару. С подачи кого? Ваших олигархов, которые поделили экономику и говорят, что сахар белорусский не брать. А почему не брать? Потому что он дешевле. Так и вы дешевле продавайте. Ан нет, тогда карман будет тощий у олигархов, которые занимаются сахарным бизнесом. Но мы знали, что должны предложить и России, и другим качественный товар, поэтому мы свои четыре сахарных завода модернизировали, сделали как игрушку. Я думаю, что не в этот тур, так в прошлые вы посещали эти заводы, если нет – можете побывать.

Я недавно на одном из них побывал. Нам говорят: тростниковый сахар поставлять нельзя, потому что вы, мол, завозите тростник, перерабатываете, свекловичный сахар мы у вас возьмем. Мы свеклы производили 700–800 тыс. тонн. Когда Россия сказала, что будет покупать свекловичный, мы увеличили его производство. Сегодня четыре миллиона тонн производим свеклы. Это было мое решение железное, и за два года мы этого достигли. Нам потом это перекрыли. Мы за два года перестроили экономику, это было непросто, четыре миллиона получили. Увеличили посевные площади, закупили технику. Вы же пообещали, что не будете препятствовать. Нет, и сейчас квоты существуют, даже когда сахара сегодня не хватает, в России все равно безмозглые эти квоты существуют. Но благо, если мы больше поставляем, на это уже сквозь пальцы смотрят, потому что нет его, сахара. Если бы мы действительно заняли российский рынок и не давали сахаропроизводителям вашим продать свой сахар... Так вы все равно почти половину закупаете извне. Почему же в этой половине нет трех-пяти процентов белорусского сахара? Чтобы мы заработали у вас российский рубль, поменяли на доллар и заплатили за энергоносители. Мы рублями даже с вами рассчитываться не по всем позициям можем. А вы говорите, что вы хотите рубль сделать региональной валютой. Да вы у себя не хотите принимать его как платежное средство, давай доллар. И мы вынуждены российский рубль, который зарабатываем, часто менять на доллар или евро и вам платить за товар. То есть идет накат по всем статьям. Ну упреки Лукашенко, что вот я сейчас, рассуждая, опять накаत्याю на Россию. Да я не накаत्याю, я вам констатирую факты.

Поэтому, Ваня, я не знаю, что будет у нас с этим Таможенным союзом. Пока аплодисментов с нашей стороны нет. Но мы не собираемся ломать любое направление интеграции. Ради бога, только бы зацепиться за что-то и не развалиться, не разойтись окончательно. Иван, вы же прекрасно понимаете, что Беларусь, будь то с Лукашенко или без него, белым пятном на карте мира, особенно Европы, не будет. Это географический центр Европы. Он северо-западнее Минска находится – центр Европы. Вы думаете, что Беларусь останется один на один с собой? Бесхозной? Да нет. У нас нет сегодня проблем с предложениями от других государств, на что тоже Россия реагирует очень болезненно. Так нас уже предал Лукашенко или еще нет? Так вы не выталкивайте Лукашенко из сферы своей политики, а то только одно: здесь сфера наших интересов, – заявляют политики России. А я спрашиваю: а где сфера интересов Беларуси и белорусского народа? И так ли вам надо, чтобы это была сфера ваших жизненно важных интересов? Так ли вам это надо, когда мы действительно ваши интересы здесь защищаем порой больше, чем вы собственные в России? Вы были на пункте противоздушной обороны – суперсовременном, модернизированном нами. Нам россияне совсем не помогли. Мы модернизировали и видим от Балтики до Черного моря все простран-

ство. И точно так в режиме, как сейчас принято говорить, он-лайн передаем в Кремль. Там Медведев может благодаря нам посмотреть, что же у него творится от Балтики до Черного моря. Вам надо сегодня это сломать? Ну сломайте, но вернуться к этому будет практически невозможно. Кому она нужна, такая политика?

Помните, вы подписали соглашение о Черноморском флоте. Не знаю, надо он там вам, не надо... Против кого вы там собираетесь воевать? Кому противодействовать? Развивали бы, может, флот на Тихом океане, в Атлантике... А в Черном море? Господь с вами, подписали. Столько радости! И тут же упрек. А смотрите, белорусы, как надо договариваться. На что я Медведеву напомнил: ты же главнокомандующий. Ты должен знать, что у тебя здесь две мощные базы, которые каждый час, каждый день работают. Одна из них о раннем предупреждении о ракетном нападении в Брестской области. Вторая, которая ведет в Атлантике все ваши подводные лодки, в том числе ядерные, осуществляет связь. Сколько вы платите нам? Ноль! А там сколько заплатили? 40 млрд долларов? Мы не просим у вас денег. Мы хотим, чтобы к нам по-человечески относились. А в экономике человеческие отношения – когда субъекты хозяйствования работают.

На рынке общим конкурируют, а на внешних рынках как союзники и партнеры вместе продвигают свою продукцию. От этого выигрывают и россияне, и белорусы. Вот этого мы хотим и от Таможенного союза. Будет это или нет – не знаю. Но сегодня уже и казахи недовольны теми темпами, которыми идет проработка нового этапа. Поскольку там не решается вопрос доступа в трубы по нефти, по газу. Вы знаете, что Газпром сегодня «шлепнулся» в Европе. Катар и Норвегия захватили первенство в поставках газа. Сжижают, разжижают, продавая по 167 долларов на спотовых рынках. А нам из России обещают уже по 210. Кому нужен ваш газ там? Так это «втую» идет потеря рынка. Что, завтра Россия пустит казахстанский газ в свою трубу? Без этого не будет ЕЭП. А сегодня идет волокита. И мы пока как сторонние наблюдатели в этом. Потому что ждем, когда договорится Россия с Казахстаном. Нам это будет выгодно. Мы – транзитная страна. Через нас идут трубы. Пожалуйста, пользуйтесь. Скоро вы многое почувствуете.

Это пока вам центральные СМИ талдычат, что вы решаете все проблемы. Что у вас их нет. Хотя, как люди сведущие, вы, наверное, знаете, что Газпром уже лидирующие позиции потерял. Сегодня и мы прямо заявляем, что ведем переговоры о строительстве на Балтике или на Черном море на Украине терминалов для приема сжиженного газа. Понимаете, опять же безмозглость. Нас пугают: «Северный поток», «Южный поток», откажемся от транзита через Беларусь. Не надо! Говорят, закроем под Смоленском задвижку. Закрывайте! Но мы в освободившиеся трубы заведем разжиженный на Балтике газ. 300 млн долларов стоит завод, и запускаем газ в эти трубы. А они куда идут? В Польшу, Германию, Чехию и дальше. И если здесь будет 150 долларов, а Газпром за 220 предлагает, ясно, на кого будут работать эти трубы. Хотя бы об этом подумали элементарно. То же самое и по нефти. В этом году мы 4–5 млн самой качественной венесуэльской нефти получим. Эффективность ее переработки на 30–40 процентов, как мне специалисты сказали, лучше той, что мы покупаем в России. Мы ее привозим сюда. Завтра мы построим трубу с Балтики. Уже с портами проект проработали. Вы знаете, что мы прокачали уже нефть через Украину, Эстонию, Литву. Сейчас вот Рига. Мы уже попробовали реально, чего это стоит. Мы сегодня ведем переговоры о работе в аверсном режиме нефтепровода Одесса–Броды для прокачки венесуэльской нефти. Он пустой.

Но с российской стороны идет полное блокирование. Блокировали, но сами заполнить не могут. Но президент Украины сказал: почему? Чем пустая, лучше качать будем венесуэльскую нефть. Мы найдем выход. Вагонами сейчас возим. И будем возить, но на колени не станем!

За тридевять земель в Венесуэле работают наши люди. Для того чтобы поставлять нефть, мы им строим газопроводы и нефтепроводы. Города, села газифицируем. И как вы хотите, чтобы я это воспринимал и относился в связи с этим к нашей российской власти?

Александр Марынов, «Наша Пенза»: Говорят, проблемы в российско-белорусских отношениях в известной степени обусловлены межличностным конфликтом на уровне руководства двух стран. Скажите, пожалуйста, как складываются ваши личные отношения с тандемом Медведев–Путин? Спасибо.

А.Г. Лукашенко: Ну, Александр, наверное, что происходит – то происходит. И это есть наши отношения. И их не СМИ делают. Это абсолютно точно. Такая поступила команда.

Два дня назад приезжал из России один из наших министров. Он работает в идеологическом секторе. К нему там подошел один из ведущих людей, который в «тандеме» за СМИ отвечает. Говорит: ну, как мы вас «мочим»?

Это команда Медведева. Не знаю, насколько это поддерживается Путиным. Хотя у меня есть сведения о том, что он ту же позицию занимает. Но то, что это команда президента, мы знаем, и знаем, что это за команда. Она «мочила» Шаймиева. Тот спокойно ушел. Рахимова наклоняла. Помните? Затем к Илюмжинову подобралась. Потом меня прихватили. Потом Лужкова. Это одни и те же люди.

...Плохие отношения. Если не сказать хуже. Извините меня, когда человек находится в Китае и там начинают формулировать вопросы о Беларуси, а он: «Ничего хорошего не жду». А чего тебе ждать? Чего ждать после такой политики? Какое тут может быть хорошее? Ну, правда, шутка, сказал. Но в каждой шутке есть доля правды. Это первое. А второе, если бы я не знал, как эти вопросы подбрасываются, если бы вы не знали. И начал рассуждать о правах человека и о демократии. Если Россия покажет нам пример этих прав человека и демократии, мы точно будем не хуже.

Поэтому при любом удобном случае пытаются если не уколоть, то накатить, а то и «замочить». Переживем.

Елена Бадякина, газета «Северный Кавказ»: Много спекуляций на вопросе признания или непризнания Абхазии и Южной Осетии Беларусью. Какова ваша оценка этого конфликта? И какие у вас намечены контакты с Северо-Кавказским федеральным округом? Каким вы видите это сотрудничество мирной и спокойной Беларуси с нашим тоже мирным, но, к сожалению, неспокойным регионом?

А.Г. Лукашенко: На Кавказе живут настоящие мужчины. Под стать им и женщины. Кавказцы – это особый тип людей. Я это не для лести вам говорю. Это особый тип людей. И тот, кто находит с ними общий язык, всегда живет в мире. Это, по-моему, люди, которые не способны в основной своей массе предавать. А это очень важно.

Что касается признания... Задам вам риторический вопрос. Скажите, а что, только Беларусь не признала Южную Осетию и Абхазию? По-моему, нет таких государств в мире, которые признали Осетию и Абхазию. Кроме как какого-то острова. Венесуэла официально документов никаких формальных не принимала. Было заявление о якобы готовности признать, но документы не приняты. Точно так и другие государства. Это первый вопрос.

Вы можете сказать: Венесуэла же не такая союзница России, как Беларусь. Правильно. И я честно и откровенно, где может быть, надо промолчать, говорил (для внутреннего нашего потребления, чтобы все знали мою позицию, исходя из наших отношений Беларуси и России): конечно же, мы должны были признать Южную Осетию и Абхазию. Как бы то ни было, это наш союзник. И мы готовы были это сделать. Но...

Встречаемся мы с одним западным политиком. Он приехал специально и говорит: «Вы что, действительно хотите признать Осетию и Абхазию?» Я говорю: «Чего вас это так напрягает? Мы союзники». И он мне изложил тот спектр отношений, который сложится у нас с Европейским союзом и Америкой.

Нам пригрозили. А с Евросоюзом, чтобы вы знали, мы сегодня торгуем чуть больше, чем с Россией. Это – миллиарды долларов. И когда нас Россия выпихнула с рынка, Евросоюз это не посмел сделать. Хоть они нас квасили по полной программе и «мочили», как у вас принято говорить. Сказали, что расчеты в евро и долларах забудьте. Ну и что делать государ-

ству? Мы начали думать, искать выход. Я встретился с вашим президентом в Сочи. И мы обсуждали эту проблему.

Сказал ему: «Вот последствия. Мы их просчитали». Вы готовы, господин президент, дорогой друг Дмитрий Анатольевич, разделить с нами эти последствия? Вы готовы подставить свое плечо? Дословно: «Ну, Александр Григорьевич, давайте не будем торговаться. Это – одна тема, а это – другая». Я говорю: «Спасибо. Тема закончена». Если для вас это одна тема, а это другая, продолжения разговор не имеет. Понимаете? Он далек был от этих проблем. А я 10 лет живу в этой проблеме, когда меня то слева, то справа шпыняют и напрягают.

Что такое закрыть расчеты в долларах и евро? Обвалилась бы вся экономика. Ничего продать не смогли бы. Закрыто все. И это я только один крайний вариант называю. А их была куча. И Россия не готова была здесь подставить свое плечо. Ну, в конце концов хотя бы пообещали. Поэтому закончился наш разговор. И меня в этом упрекать не надо. Но если хотите – упрекайте. Но я вам сказал правду, как это было.

А может быть, и не надо для России, чтобы мы признали Осетию и Абхазию? Может, нужен повод, чтобы нас где-то наклонять? Ну уж слишком он, простите меня за нескромность, этот Лукашенко, зарвался и авторитетен в Беларуси. Надо его опустить ниже колена. А для этого надо иметь факты: а) предатель; б) не признал то, это; в) Саакашвили выступил на белорусском телевидении. Я очень жалею, если вы не видели это интервью. Я первый раз вижу таким Саакашвили. Это больше были сигналы российскому руководству типа того, что мы виноваты, но давайте выстраивать отношения.

Мы же не упрекаем россиян, когда они дают интервью Обаме, которое нас «мочит» по полной программе. Вы выстраиваете отношения – выстраивайте. Так мы даже не выстраиваем. Человек дал 7 минут интервью. Ну и что? Вы послушайте сначала, что там.

Вы что, все время будете и дальше воевать? Все равно когда-то надо налаживать отношения, ну и используйте в этом плане Беларусь или Лукашенко. Мы готовы пройти какой-то путь. Там же Саакашвили не один, там же есть грузинский народ, с которым мы жили в одном государстве. Где каждый метр полит русской кровью в войне за Грузию, когда Россия еще империей защищала свои интересы. Нет, вот надо клепать, надо долбать до победного конца. Это дело российского руководства.

Поэтому не наша вина в том, что мы поступили таким образом. Абсолютно не наша в этом вина. Я вам скажу откровенно, МВФ нам выделил 3,8 млрд долларов. Россия нам в этот кризис не предоставила кредит для погашения долгов полтора миллиарда, когда подняли цены на газ. А кредит под 7 или 8 процентов годовых. МВФ – под 2,5 или 3 процента. Чужие, «враги». И, не дай бог, не было бы этих кредитов после заявления Кудрина, который, «великий деятель», приехал сюда, «наляпал» в средствах массовой информации, что завтра Беларусь обрушится, и народ побежал в обменники. Хорошо, что у нас был этот запас – бегите, забирайте деньги. За день 300 млн долларов денег выкачали из банков. Я говорю, хорошо, что был этот запас. Благодаря не России, а МВФ. Я потребовал объяснений. Мне президент говорит и премьер: «Ну вы же знаете Кудрина нашего. Ну, Алексей же вот он может все». Я говорю: «Пожалуйста, в России. Что может, то вы его и терпите. Но сюда приезжать...» На Союзный Совмин приехал деятель и раскричался. Это наше счастье, что у нас были эти скудные резервы, и мы выбросили на рынок. Правда, люди потом вернули свои деньги. Просто панику организовал...

Поэтому мы должны видеть и вы должны видеть, что Беларусь надо сохранить. Ее нельзя развалить, ее нельзя наклонить, как Кыргызстан, настолько, чтобы там что-то случилось. Кстати, это невозможно в Беларуси. Абсолютно невозможно. Совсем другой народ. Поэтому параллели здесь проводить не нужно. Нужно конструктивно выстраивать отношения. И на этом конструктиве Россия здесь будет иметь все: и дружественную страну, и дружественный народ, и проводника той политики, которая нужна России. Только не надо шпынять, наклонять, через губу говорить, разговаривать и делать нас народом второстепенным. Это, конечно, мы не воспримем. И это для нас неприемлемо. Тогда я вообще здесь как Президент не нужен.

Олег Черковец, газета «Правда»: Мы посетили белорусско-китайское совместное предприятие «Мидеа-Горизонт». Отличное производство. И экономики двух стран специалисты часто сравнивают. Как вам видятся перспективы белорусско-китайского сотрудничества?

А.Г.Лукашенко: Олег, спасибо за этот вопрос. Скажу больше: наши отношения с Китайской Народной Республикой имеют характер стратегических отношений. У нас прекрасные отношения с Китаем.

Достаточно сказать, что в преддверии предыдущих президентских выборов, 5 лет назад, тогдашний президент Китая Цзян Цзэминь приехал сюда и в открытую, в пику Западу, Америке, поддержал и меня, и Беларусь. Специально приехал сюда. Я думаю, что нам надо ценить такое отношение великого Китая к Беларуси. Это во-первых. Но это не главное.

Некоторые высказывают озабоченность в России отношениями Беларуси с Китаем. Вот китайцы идут сюда, могут возникнуть какие-то непонимания. Опасность россияне видят в том, что они идут с инвестициями. Я должен сказать, что на сегодняшний день, если взвешивать инвестиции Китая и России, то у России, наверное, не на порядок, а на несколько порядков объемы инвестиций, собственности здесь больше, чем у Китайской Народной Республики. Но Китай активно идет на белорусский рынок. И мы этому рады. Только последняя договоренность: Китай выделяет нам миллиард льготных кредитов под модернизацию нашей энергосистемы. Так?

В.И.Семашко (первый вице-премьер Республики Беларусь): Три проекта – это строительство взлетно-посадочной полосы, и два – две электростанции крупные.

А.Г.Лукашенко: Две электростанции. Это льготный кредит. И 15 миллиардов кредитов еще зарезервировано. Это несколько десятков проектов. 15 миллиардов.

Мы что, должны отказаться в этой ситуации от этих кредитов? Нет. Нам они выгодны. И что плохого? Мы СВЧ-печи не производили. Мы пылесосы в таком объеме не производили. Кроме стиральных машин и холодильников, по-моему, мы мало что производили из белой бытовой техники. Они готовы здесь заместить производство этой техники на десятки миллионов штук.

И пилотный проект – СВЧ-печи, потом пойдут пылесосы, кондиционеры, нагреватели, вся линейка белой техники. Они у нас ничего не просят. Они попросили возможности инвестировать или в действующие предприятия, или же построить здесь новые. Стройте. Платят налоги. Поэтому не надо России в этом плане напрягаться. Мы для России не закрыты. Российские компании, богатые компании, государство Российское могло бы присутствовать здесь шире. Хотя куда уже шире? Если кто и присутствует у нас в банковской сфере, то это Российская Федерация, мы только России продали банки. 7 из 10 крупнейших российских банков присутствуют здесь. И один РайФайзенбанк у нас с Приорбанком работает. Вот соотношение. Вы никого в банковскую сферу не пустили. Мы вас пустили. Газпром, Белтрансгаз, нефть, нефтеперерабатывающие заводы и так далее. Один из заводов – 48, по-моему, процентов или 46 – российской компании принадлежит. Мы нигде не закрывали для вас возможность инвестиций и прихода сюда. Но бесплатно ничего не дадим.

Я как-то в сердцах сказал руководству вашему, что если бы я уж был уверен, что коль мы подешевле продадим, и эта разница попадет в карман обычных россиян, я бы рискнул. Но те, кто приходит к нам за этими активами, – это миллиардеры.

Почему я должен увеличивать их состояние за счет собственности в Беларуси? Поэтому отношения с Китайской Народной Республикой имеют стратегический характер. Мы от него не откажемся, мы будем наращивать этот ресурс. И в ближайшее время, так же, как Медведев ездил на выставку в Шанхай, точно такая поездка в наш день будет у Президента Беларуси. И точно такая же программа. Мы встречаемся с Председателем Ху Цзиньтао. Вице-президент, который сопровождал Медведева в Шанхай, – это мой очень хороший личный друг. Он был недавно здесь, в Беларуси. Мы также с ним будем встречаться. Мы будем расширять сотрудничество. И мы будем

делать все, чтобы Китайская Народная Республика шире была представлена в Беларуси. От этого мы имеем только пользу. Китай сюда не приходит с инвестициями прошлого века. Он сюда идет с очень высоким технологическим уровнем, проектами. Мы это приветствуем. Низкий уровень для нас неприемлем, потому что такие проекты будут неконкурентоспособны ни в Европе, ни в Беларуси. В свою очередь мы имеем большие совместные предприятия по производству нашей техники в Китае: МАЗ, БелАЗ, МТЗ. Они открыли нам этот рынок. Нас это устраивает.

Юрий Коренько, «Белгородская правда»: Александр Григорьевич, Белгородская область – это край, где работают успешно ваши 200-тонные БелАЗы в карьерах и где на полях работают тракторы «Беларусь». Я хочу поздравить вас со вчерашней крупной победой БАТЭ. С великопленной победой. С лидерством в лиге Европы. И вопрос, если можно. Известно, что вы находите время для встречи каждой делегации, прибывшей из России. Это что, хорошая традиция или метод решения сложных вопросов? И еще один вопрос, если можно. После того как в России была выстроена жесткая вертикаль власти и губернаторов начали назначать в Кремле, изменились ли отношения Беларуси к нашим регионам? И как вы оцениваете эффективность этой вертикали? Спасибо.

А.Г. Лукашенко: Что касается встречи, я хочу, чтобы вы понимали – она не совсем бескорыстна. Вы связываете воедино наши народы и наши государства, помогаете нашей экономике. Люди вас читают и идут на сотрудничество с нами. Вы показываете, фотографии размещаете. И все их видят. Те, кто занимается бизнесом там, приезжают после вас сюда. И мы почти всегда заключаем с ними договоры. Это я так штрихом хочу показать, что наша встреча – это не только поддержка наших отношений, но это и экономика, большая экономика...

Что касается вертикали. Вы знаете, как говорил один из ваших членов тандема, ваш покорный слуга был автором подобной идеи. И нас на чем свет стоял громили и критиковали за эту вертикаль, особенно поздний Ельцин, да и ранний Путин. Диктатура и так далее.

Но потом вы увели эту «вертикаль». И если вы поднимете мое мнение тех времен (я его высказывал, по-моему, на Урале в Свердловске, встречаясь с вашим губернатором), я выступил против. Россия – не Беларусь.

Одно дело в Беларуси назначить губернатора Брестской области. Я каждое утро вижу, что там происходит. Другое дело в Москве назначить губернатора далекого Приморского края, Хабаровского и так далее. Есть разница? И сегодня это уже дает свои бонусы.

Тогда думали, что будет некое единство России. Ничего подобного! У каждого губернатора, назначенного или отстраненного, есть своя позиция. Есть свои мозги, свои эмоции и убеждения. И то, что ты его назначил в Минске или в Москве, это не значит, что он абсолютно твой и он надежен.

Считаю, что в России губернаторы и руководители должны избираться. Но президент должен иметь право отстранить от должности. Не потому, что руководитель не понравился и потерял доверие. Ни в коем случае! Основаниями могут быть криминал в его деятельности, коррупция.

Но избирать в России (вы к этому придете) должен народ. Слишком большая специфика регионов, слишком большая.

Я высказал свое мнение. Я не хочу, чтобы это выглядело, как будто я критикую российскую действительность. Нет. Российскому руководству виднее. Я, может быть, неправ. Им виднее. Может быть, пока эта формула работает. Но в случае с Юрием Михайловичем Лужковым оказалось, что не очень.

Александр Шилкин, «Смоленская газета»: Александр Григорьевич, как вы прокомментируете отставку мэра Москвы Лужкова, с которым, как известно, у вас сложились очень хорошие отношения? Спасибо.

А.Г. Лукашенко: Вы знаете, у меня не только с Юрием Михайловичем Лужковым хорошие отношения. У меня с очень

многими большими политиками России хорошие отношения.

С Юрием Михайловичем у меня не просто хорошие отношения, это мой друг. Мы друзья давние. И от того, будет он завтра большим политиком или нет, наши отношения ни в коем случае не изменятся. Он был и останется моим другом. И у нас будут такие же отношения, как до этого, если он захочет.

Думаю, нет никаких оснований, чтобы у нас испортились с Юрием Михайловичем отношения. И то, что он сделал для Беларуси и что мы пытались сделать в ответ Москве, это не перечеркнешь, это не выбросишь.

Поэтому сегодня я написал ему искреннее дружеское письмо поддержки, завтра пошлем его. Знаете, когда человек прожил такую жизнь и для России сделал немало и все так заканчивается, это не очень приятно. Я его понимаю. А если ему вину ставили бизнес его жены, так я вам скажу откровенно: не будет его жена заниматься этим бизнесом – завтра будет жена другого политика заниматься. У вас же жены многих политиков занимаются бизнесом. Если вы хотите это пресечь, сделайте это законодательно. Но пока законом не запрещено? Поэтому не надо педалировать. Как будто Лена начала заниматься вчера бизнесом, и это увидел ваш президент и снял его с должности. Или не выстроили отношения?... Бросьте вы, Лужков настолько хитрый, умный и талантливый политик, что он себе бы никогда не позволил не выстроить отношения с Дмитрием Анатольевичем. Более того, скажу вам честно, у меня мнение о Дмитрие Анатольевиче было совершенно иным, и я его высказывал Лужкову. Он был прекрасного мнения о президенте. Говорил, что наконец-то Россия получила порядочного человека, это совсем недавно было. Так как нельзя выстроить с таким человеком отношения? Не в этом дело, и вы это знаете. Москва – это слишком много для России.

Пётр Фокин, «Владимирские ведомости»: Вы с губернатором Владимирской области Николаем Виноградовым обсуждали возможность размещения производства тракторов Минского тракторного завода на мощностях Владимирского тракторного завода. Какие перспективы у этой идеи?

А.Г. Лукашенко: Я помню этот фрагмент наших переговоров, когда здесь был ваш губернатор. Я ему сказал: «Да, я не исключаю». Я знаю ваш завод. Знаю трактор, который вы выпускали. Но потом вы перестали двигаться вперед. И остались на том уровне, как были в советские времена. Как выпускали тот «Владимирец», так он и остался.

Мы не против прийти на это предприятие. Я тогда ему сказал: «Желательно, чтобы вы нам помогли создать там производство». Не только по размещению. Площадей у вас хватает. Но если нам нужно одолжить у вас немного денег на то, чтобы начать работать, – одолжите. Потом продадим тракторы – мы вам эти деньги вернем. СП вернет. Он говорит: «Нет вопросов. Мы прокредитуем». Такой разговор шел.

Вот есть первый вице-премьер, который ведет экономику, промышленность. Он как раз этими вопросами занимается. Поэтому если будут хорошие предложения, – почему бы и нет?

Хотя, когда недавно мы обсуждали с Путиным проблему блокирования поставок наших товаров в Россию, он говорил: «Ну как блокирую? Вот посмотрите, вы же столько тысяч тракторов поставили». Я отвечаю: «Так это же мы поставили из Елабуги, с других наших общих совместных предприятий». Он: «Ну там же не чисто наше производство. Половинная сборка». А я говорю: «А как совместное производство начинается?» Сначала с отверточной сборки, как мы с китайцами когда-то начинали. Так и с россиянами у вас. Затем, если вы произведете и укомплектуете нас нормальными узлами, которыми можно заместить наши не в ущерб качеству, мы это возьмем. Ну а, третьих, МТЗ – это же наполовину или на 60 процентов российский завод. Мы же узлы многие у вас делаем. Только мы не в Минск их везем, а, например, во Владимир. И там вместе собираем трактор и продаем. Премьер России говорит чуть ли не с упреком, что вот тут не мы производим трактор «Беларусь». Но вы же привозите комплектующие. 60 процентов прямо из России везем в Россию. А 40 – из Беларуси. Это естественно.

Но если сегодня Владимирский завод может произвести

МТЗ, какие вопросы? Да нет никаких вопросов. Но он не может. А этот трактор нужен, потому что лопатой, как я всегда говорил, Россию не перекопаешь. И запущенных земель в России вы лучше меня знаете сколько. И им нужны тракторы. И прицепное оборудование к ним. А все это в советские времена больше всего производилось у нас и на Украине. На Украине этих предприятий уже нет. Осталась Беларусь. Мы свято их сохраняли.

Мы производим свой плуг, свою сеялку, свой культиватор. Всю почвообрабатывающую технику. Всю технику под возделывание культур, которые высеем: картошка, лен, сахарная свекла, кормовая свекла, хлеба, травы, кукуруза на зерно и на семена.

У нас все свое: начиная от вспашки и заканчивая уборкой. Мы последних 13 лет этим занимались. Готовы и у вас были развивать это производство на «Ростсельмаше». Предлагали: давайте вместе. Но вы тогда делили этот завод. Один хозяин другому передал, тот – третьему, третий – четвертому. Вахханалия была полная.

И мне пришлось отдать команду (за что меня диктатором или Сталиным называют) создать свой комбайн. Мы за это время 5 образцов комбайнов сделали и вышли на европейский уровень. Сегодня готовы вам продавать. И продаем отдельные экземпляры.

Если бы у нас не было этих комбайнов, мы бы погибли. У нас, кроме «Нивы» известной, до «Дона» еще была марка, которая сегодня не способна работать на наших полях, больше ничего не было.

Сейчас мы сделали комбайн. С немцами, американцами сотрудничали. Мы у них учились. Начинали с отвертки. А потом производили сами.

Вы были на МАЗе. Там с компанией МАН мы работали. У нас есть продукция МАЗ – МАН. По автобусам, которые вам показывали, с «Неопланом» работали. Сейчас на 100 процентов их сами производим. А начинали с отвертки. Но мы им доказали, что производим эти запчасти не хуже. И они отдали нам возможность производить самим.

Так должно быть и во Владивостоке. Если вы будете стремиться делать такого уровня и такого качества продукцию. Это требование любого государства, которое к вам придет.

Мы с большим удовольствием будем работать с россиянами. Потому что нашу продукцию там знают. Более того, ее любят. И не только у вас. В Казахстане мы уже десятки тысяч продаем тракторов. Мы там и по сборочному производству работаем. Даже в Туркменистане сборку осуществляем.

А в России. Зачем нам уходить с этого рынка? Тем более с вами надо рассчитываться валютой за углеводороды. За металл. Поэтому мы вынуждены и будем развивать у вас свои производства. Первый вице-премьер записал это. Можете прямо написать об этом в газете или сообщить губернатору. Без губернатора здесь не обойтись. Это будет крупное производство. Оно сохранит ваш завод.

Я же сказал... Вот начальников упрекают: денег у них много. Любой политик должен публично или письменно заявить: найдите – забирайте. И собственность, и деньги. У меня был разговор с Борисом Николаевичем... Он как-то говорил с обидой: «Видишь, меня упрекают, что у моей семьи деньги и прочее». Я отвечаю: «Борис Николаевич, все элементарно просто. Меня тоже Буш упрекнул. Я ему написал письмо, это действительно так было, что если найдешь – забери. Вы возьмите и объявите». Он рассмеялся, но не объявил.

Вот все отсюда. От простого. Не надо делать эту проблему неземной. Да, и у нас коррупции хватает. Но у нас коррупция – дело для чиновника опасное. Никто тебя не выкупит. У вас свободные суды. И у нас свободные, но никакой суд, никакой начальник тебя не выпутает из этого. Дело не только в том, как мы вводили антикоррупционные законы и осуществляли. Все зависит от нас. Только от нас, от начальников. А если ты коррумпирован, ты не имеешь права на тему коррупции вообще говорить.

Потому что народ на тебя смотрит и думает: жулик говорит о коррупции? Значит, никакой борьбы с коррупцией не будет! Закон надо соблюдать самому. Хотя я считаю, что выше закона или рядом с законом должны быть такие чувства, как мораль и справедливость. Все в законе не пропишешь. А вот, что справедливо и несправедливо, наше общество, наши люди знают точно. Поэтому там, где это не прописано в законе и где, знаете, иногда бывает и так и сяк, справедливо сделай.

Я понимаю, что это не столько вопрос, сколько боль. Исходя из того, что происходит в государстве. Я не скажу, что у нас этого абсолютно нет. Хватает. И закон нарушают. Но «дедовщины», правда, в армии нет. Чтобы старослужащий издевался над молодым? Да вы что?! Главнокомандующему доложили бы немедленно. Было поначалу. Разборки были самые жестокие с офицерами. Но когда мы начали реформу армии (а мы ее уже закончили), ни один офицер не обиделся. Никого не обидели и из солдат. Правда, получилось, что мы не можем сегодня в армию призвать всех парней. У нас сегодня даже очередь по некоторым регионам, чтобы в армию попасть. Родители приходят: «Заберите моего балбеса в армию». Такая вот проблема. Когда мы заявили о сокращении армии, я сразу спросил, а как будет с теми мужиками, которые в армии не послужат? Кому эти мужики нужны? Какая девчонка за него замуж выйдет, если он пороха не понюхал? Он же не сможет семью защитить. Армия этому учит. Теперь даже, кто из вузов имеет отсрочку, призываются на три месяца. Чтобы этого хлеба понюхали. Или хотя бы немножко похудели там. Через 3 месяца такие красавцы приходят. Я считаю, что каждый мужик должен служить в армии. Каждый!

Евгений Зыгин, телерадиокомпания «Эхо» (Рязань): Господин президент! Хотелось бы вначале сказать, что Рязанская область в этом году очень сильно пострадала от лесных пожаров. И, пользуясь случаем, поблагодарить ваших ребят, белорусов, которые помогали нам их тушить. Они очень хорошо работали. Самоотверженно. Людей спасали, деревни спасали. И вот у меня возникло ощущение, что в российско-белорусских отношениях на высоком уровне тоже начинается какой-то пожар пробиваться. Это только мои ощущения или так на самом деле? Что, все-таки может потушить этот пожар?

А.Г.Лукашенко: Спасибо, во-первых, за оценку действий наших ребят. Честно говоря, я от вас впервые слышу такую оценку через министра... У нас, кстати, россиянин возглавляет министерство по чрезвычайным ситуациям. Службу безопасности президента возглавляет оренбургский парень. Москвич – министр обороны. Министр иностранных дел – русский человек. Вице-премьер Кобычев – москвич. Ведет как раз переговоры по Таможенному союзу. А вот белорусов в руководстве и в правительстве Российской Федерации нет. Но это так, для сведения. Чтобы вы понимали: мы абсолютно доверяем русскому человеку, россиянину...

Я министру по чрезвычайным ситуациям одно сказал: попроси ребят, чтобы они не подвели Беларусь. Это горит не Рос-

Елена Козлова «Кредо. Очень полезная газета»: Я только сожалею об одном. Что нашего президента батюшкой не назовут. Царем – да. А батюшкой – нет...

Когда мы были в военной части, я поняла, что там работа идет по закону. В армии служить стало престижно. В Беларуси вы нашли, как с бороться с «дедовщиной». Понравился мне ваш директорский корпус, на «Белкоммунмаше», директор с такой громкой фамилией Король. Рабочие получают больше, чем инженерно-технический персонал... И вот вопрос: Российские законодатели всегда хвалятся, что законы у них лучше, чем в Беларуси. Но выполнение законов в Беларуси намного выше. Вот скажите: как ввести диктатуру закона?

А.Г.Лукашенко: Вы очень правильно сказали. Надо ввести диктатуру закона. Для этого, во-первых, самому исполнять закон, если говоришь о борьбе с коррупцией, – самому не брать, не красть, не «пилить», не «распиливать», не «косить капусту», как у вас говорят. Все! Не надо гиперболизировать и считать, что это что-то там космическое. Все элементарно. Вот возьми и объяви: «Делай, как я». Если вы не коррумпированы, то скажите.

сия – это горит наша земля. И когда они вернулись, с гордостью передали мне, что мы не допустили трагедии. В нашей зоне ответственности ни одной деревни не сгорело. Ни одного дома. И я со слезами на глазах их благодарил за то, что они честно это сделали.

Но знаете, как некоторые интернетовцы и СМИ отреагировали, и ваши политологи, которые у вас вокруг Кремля ходят? Я не буду называть их фамилии. Мол, батка прислал команду спасателей тушить Россию. И оператора – наш бардак снимать. А потом критиковать нас. Вот дословно то, что мы читали. Мне не обидно... Нашим людям обидно. Вы Италию благодарили на центральных каналах за вертолет, который прислали. Азербайджан – за вертолет. Или еще за что-то. А наших полторы сотни с машинами и вертолетами работали – ни слова. Поэтому я и говорю, что вы первый человек, который действительно как русский человек от души сказал о работе наших людей. Более того, они рассказали, что приехали туда экипированные по полной программе. А у некоторых россиян даже лопат не было. Делились всем, чем надо. Объединились, методики разрабатывали борьбы с огнем. Если надо вам, мы могли бы специалистов прислать, которые умеют бороться с огнем против огня. Потому что верховой пожар только огнем можно потушить. И вообще, чтобы вы знали, я поручил своему премьеру позвонить его коллеге и предложить помощь. У нас ведь похожая ситуация была. На юго-востоке и востоке, что к России прилегают. Жара.

Разница в том, что мы не разогнали лесников. Лесную охрану. Наоборот, мы ее усилили за эти годы. У нас же 33 процента лесов. У вас тоже их немало. Наверное, процентов 30. За ними же надо смотреть. Их надо сохранять и охранять. И у нас целая система выработана. Беспилотники, вертолеты, легкие самолеты барражировали каждый день. Где только дымок – туда десант. То есть в зародыше тушили. Мы ни одного дома, слава богу, в этом году не сожгли. Мы не допустили возгорания деревень даже самых глухих. Но ситуация была кошмарная. Но с запада заливало дождем. От Европы. И я говорю: позвони Путину. Опасно. Может жара пойти. А мы с запада снимем все части и бросим, допустим, на Нижний Новгород. Ведь показывали, как он туда ездил. Катастрофа была. Скажи только, разберемся там в течение недели. Аховая ведь была ситуация. Не согласились. Мы хотели им предложить белорусский вариант: наблюдение, десантирование, тушение. Они согласились только на машины и вертолет, который воду подвозил. Не знаю, может, секреты у вас какие-то от белорусов. Но мы и так знаем, что где расположено, в том числе и ядерные объекты. Для нас это не секрет. Наверное, какая-то другая причина.

Что касается наших отношений, я уже об этом говорил. Пожара пока нет. Но отдельные возгорания существуют. Будем тушить вместе с вами. Но мы не будем инициировать эти возгорания. Я вам обещаю, мы не будем.

Андрей Бурцев, «Пятый канал»: Александр Григорьевич! Как вам кажется? То, что Москва называет приведением цен для Беларуси на энергоресурсы к рыночным? Это действительно чисто рыночные отношения? Или в этом есть какое-то посягательство на белорусский суверенитет?

И второй вопрос, он касается выборов. Вот, комментируя итоги выборов 2006 года, вы сказали о том, что для того чтобы они были признаны Евросоюзом (я не знаю, иронизировали вы или нет), их пришлось фальсифицировать в меньшую сторону. А на будущие выборы вы уже определили себе барьер, который лучше?

А.Г. Лукашенко: Да, определил. Мне хотелось бы, чтобы за меня проголосовало две трети населения. Это конституционное большинство населения. Это высочайшая степень доверия, если за меня проголосует 70–75 процентов населения. Не надо 95 и 97, как было в прошлый раз.

Но если люди будут идти и голосовать за Лукашенко, то вы их, пожалуйста, на пороге не держите.

Андрей Бурцев: А относительно вот цен на энергоресурсы...

А.Г. Лукашенко: Это их товар. Мы это понимаем. Они хотят продать его таким образом. Ну какая же здесь рыночная цена? Рыночная цена устанавливается за счет спроса и предложения. В результате конкуренции. К нам приходят и говорят: цена будет такая. Мы говорим, да нет, это нелогично. Приводим массу доказательств. В том числе цены в Европе. И задаем вопрос: ну почему у вас доходность Газпрома в Беларуси выше, чем в Германии? Чем мы это заслужили? Ответа нет. Это монополизм. Какие же это рыночные отношения? Это во-первых.

Во-вторых, допустим, мы требуем нерыночных невысоких цен или не максимально высоких. Ну так и мы же услуги бесплатно оказываем. Вот то, что вы видели – 1600 ваших объектов сопровождает наше ПВО от Балтики до Черного моря. Это чего-то стоит? Это же безопасность государства. Вы же нам ни копейки за это не платите. За базы, как Украине за Севастополь 40 миллиардов не платите. Я вообще не могу Беларусь ни с какой другой страной сравнить. Вот вы захотели в Минск приехать. У вас были проблемы? Абсолютно нет. Да, у нас на улице для вас любой снимет последнюю рубашку и отдаст. Это дорогого стоит. Это же просто так не приходит. А я начинал ни с этого. Я ведь пришел после националистов. У нас выборы были первые президентские, состоялись после того, когда у власти были националисты во главе с Шушкевичем, вам известным. Русские сидели на чемоданах. У нас шло очищение общества, прежде всего от русских. Я же это повернул вспять. Мы ведь провели референдум о Союзе Беларуси и России. Нас нечего обвинять. Возьмите документ, Договор о создании Союзного государства. Вот здесь правильно девушка говорила о законе. Есть Договор. По нему в России и Беларуси проводится референдум по образованию Союзного государства. Референдум по Конституции.

Почему вы не вынесли в России на референдум Конституцию Союзного государства?.. Там все прописано: устройство, власть, финансовая, экономическая системы. Но вы на это не пошли. Почему? Вот поэтому и говорим о ценах: рыночные, не рыночные. Может быть, и не рыночных цен мы требуем. Мы и не требуем. Просим: «Ребята, мы братские народы, мы договорились, у нас есть договоры, давайте в рамках этих договоров работать. Если они несправедливы – давайте садиться за стол переговоров и будем искать справедливость. Мы вам будем платить, а вы нам будете платить». Ведь все, что едет, летит, ползет, пешком ходит через Беларусь в Европу и наоборот, дорогого стоит. 100 миллионов тонн грузов из Европы и обратно перевозится через Беларусь. Сколько заплатили за это? Ноль. А нам это обходится в нормальную копейку. И потом, это наш ресурс. Наше транзитное положение – это наш ресурс. Как у вас нефть, газ. Мы за них платим. Платите и вы. Нет, обижаетесь. Нельзя все это просчитать. И слава богу. И не нужно. Не в убыток же здесь работает Газпром! Абсолютно не в убыток. И потом, вы имейте в виду, что мы со своим товаром к вам приходим и упрек к нам только один: продаете по низким ценам. Однажды мне в одном городе, в Кемерово, по моему, об этом сказали. Я говорю: «Слушайте, сколько тысяч тракторов надо и машин?» – «Столько и столько». – «Вот тут на площадь перед администрацией пригони и поставлю. Мне не нужна высокая цена. 9 тысяч долларов тогда стоил трактор. Народу скажите об этом и продайте за 25 тысяч». Нет. Они говорят, что мы демпингуем на вашем рынке. Да нет! Мы конкурируем. У вас же не только мы поставляем тракторы. Мы вынуждены конкурировать. Чего нас упрекать, что мы по более низким ценам продаем?

Если цена высокая на газ, на нефть, конечно, цена будет расти и на продукты питания, которые сегодня вам нужны. Вы тут живете, и я уверен, что никто не отравился ни от нашей водки, ни от вина даже, которое мы тут из плодов и ягод делаем, ни от нашей колбасы, ни от чего. Нормальные и молочные продукты. Европа сегодня у многих предприятий покупает наши продукты, мы сертифицированы там. Поэтому качество нормальное, цены нас устраивают...

Альберт Адоев, «Калининградская правда»: Александр Григорьевич, я здесь представляю единственный в России регион, из которого в Беларусь попасть не так просто. Если не считать воздушного сообщения. Мы в огромной степени зави-

сим от транзита, который проходит в том числе и по территории Беларуси. С каждым очередным обострением взаимного непонимания между руководствами наших стран нас в Калининграде пугают: Лукашенко перекроет газ, Лукашенко перекроет электроэнергию, чуть ли даже не железнодорожное сообщение. Скажите, чего калининградцам ждать от Лукашенко?

А.Г.Лукашенко: Знаете, очень не нравилось вашим руководителям, когда я говорил, что Калининград – это наш Калининград. В свое время в советские времена была идея присоединения Калининграда к Беларуси. Присоединяли – не присоединили. Но за Калининградскую область в плане удовлетворения потребностей, которые они там не смогли удовлетворить, отвечала Беларусь. Это во-первых. Во-вторых, там немало живет белорусов. Этнических белорусов. В-третьих, если вы считаете себя, свою территорию небелорусской, простите меня за это, я скажу, что это не меньше белорусская территория, чем российская. Это моя точка зрения. И последнее, вы никогда с моей стороны не видели плохого отношения к калининградцам. Даже при Анатолии Чубайсе, когда он возглавлял РАО «ЕЭС».

Калининградскую ТЭЦ вам построили «под ключ» белорусы. Чубайс согласился. Он приехал принимать и говорит: «Да вы что, неужели это белорусы построили?» То есть у вас нет оснований меня упрекнуть, что я плохо где-то относился к калининградцам.

Были случаи, когда возникла ситуация, помните, с литовцами, поляками, трудно было там переезжать и прочее. Первые авиарейсы, организовывал «плохой» Лукашенко. Мы перебрасывали вас в Минск, а потом – в Москву. Потом – по железной дороге. И был случай, когда литовцы не пропустили железнодорожный состав в Калининград. И люди на рельсах остались. К вечеру эти люди были обеспечены жильем, питанием и всем необходимым.

Поэтому у вас нет оснований сегодня ждать от меня другого. Вот во всеуслышание вам говорю: если калининградцам нужно будет, я ведь понимаю, что вы отрезаны от России, мы у себя снимем, а вам отдадим. Поэтому, если вас пугают Лукашенко, вы им передайте, что при Лукашенко вы никогда от Беларуси не страдали и страдать не будете. У нас были прекрасные с вами отношения. Моим другом был военный человек из Балтфлота, губернатор Егоров. Пришел Боос, у нас с ним прекрасные были отношения. Сейчас вы решили поменять губернатора, пришел новый, поверьте, он никуда не денется от того, что бы выстроить с нами хорошие отношения.

Пока вы достигнете до Москвы, в Минске вы уже все получите. Я вам это говорю честно и откровенно. Потому что всегда было так. Поэтому не ждите от нас, простите меня, по-нашему скажу, подлянки...

Георгий Кузнецов, газета «Восточно-Сибирская правда»: Александр Григорьевич, мне очень приятно было слышать ваши слова о лесе. Я живу на берегу Байкала. В тайге. Для сравнения: у вас около 10 миллионов гектаров покрыто лесом, в Иркутской области – более 60 миллионов.

Но сейчас ситуация очень тревожная. С 2000 года указом президента была ликвидирована самостоятельность федеральной лесной службы. И тут же был ликвидирован государственный комитет по охране окружающей среды. Таким образом государственная система охраны природы в России была просто обрушена. У нас принято совершенно скандальное постановление премьер-министром, которое разрешает сбрасывать в Байкал стоки. Принят новый Лесной кодекс. Он нацелен не на выращивание, не на сохранение леса. Он направлен исключительно на то, чтобы легче было его рубить. А вы ежегодно восстанавливаете в 6 раз больше леса, чем у нас в Иркутской области.

Вот я хочу, чтобы как президент и как человек вы сказали о вашем отношении к лесу.

А.Г.Лукашенко: Самый-самый важный вопрос как для человека и президента. У меня особое отношение к природе. Я вы-

рос на природе. Из леса кормилось тогда население. Это после войны было, 60-е годы. Лес для меня – это всё. И вот приезжаю в деревню – я недавно был в своей деревне, и я поехал в лес. Первый раз я заехал летом – ужас. Ужас! Там захламленность была жуткая. Я не узнал того леса.

Ну, конечно, вырос этот лес за 30 лет, что я там не был. Но такого хлама я не видел. И я задаю вопрос губернатору: что у вас происходит? Он говорит: все сделали. И я поехал смотреть.

Да, действительно. Сделали лес таким, каким он должен быть. А теперь начинайте отсюда по всей стране делать такие леса...

Я знаю ваши проблемы. У нас тоже была эта проблема лет 10–12 тому назад. У нас рубили кругляком, вместе с россиянами в обнимку вывозили лес.

Кругляком у нас сегодня ничего не вывозится. За исключением балансовой древесины. Мы модернизировали деревообрабатывающие предприятия. Сейчас завод построим по производству бытовой и газетной бумаги. Нам надо 25 миллионов кубов леса вырубать. Мебельную промышленность сейчас активизируем. Она у нас неплохая. Но мы ее расширяем. Ведь пропадает же древесина. Но категорически запрещено вывозить кругляком. Почему мы должны кормить немцев, поляков, французов, Великобританию? Почему? Перерабатывает, строит дома. Построили много заводов, которые производят готовые дома. У нас программа «Возрождение села» – надо очень много, тысячи домов. Мы предложили, кстати, пого-рельцам вашим построить несколько деревень в течение одного месяца. Не согласились. Наверное, у нас слишком низкая цена.

Мы очень далеко в этом отношении продвинулись. Но к лесу отношение трепетное. И прежде всего у меня лично. Потому что я знаю, что такое лес. Что касается природы вообще... Наверное, только в одной стране, только у нас создана инспекция при президенте по охране животного и растительного мира.

У нас разбой был. Я знаю, что такое рыбалка и рыба... Кошмар был! Создал инспекцию. Сегодня вот я на Припяти часто бываю, там сегодня, если палец в речку сунешь, может сом откусить. Там столько сегодня рыбы! И мы не запрещаем ловить. И ваши люди приезжают: кто охотиться, кто рыбу ловить. Заплати за билет, садись и лови. Мы не запрещаем, но мы все привели в порядок.

Знаете, позавчера был разговор с обычными людьми, нашими белорусами, на эту тему. Они мне говорят: когда появилась инспекция, люди в больших погонах, милиционеры, КГБ, МВД, судьи, прокуроры перестали ходить на рыбалку – вот рыба и живет. Это очень мудро – простые люди сказали. Потому что весь разбой был от власти. Сейчас это очень опасно. Иди лови, но заплати.

Разбой в лесу и на реках быть не должно! Это наше достоинство...

Эту нашу уникальную природу мы не уничтожили. Беловежская Пуща, Браславские озера, Припятский заповедник, Березинский заповедник... Все эти парки непосредственно подчинены Управлению делами президента. Специально взял под крыло, под охрану. Чтобы не было разбоя. И наказываем за него жесточайшим образом.

Это надо сохранить. Это большие деньги завтра. Потому что, вы знаете: Европа загажена полностью. Европейская часть России тоже не задыхается от кислорода. Это у вас там еще есть чистота, порядок. А в европейской части всего хватает. Когда Москва горела, я как раз занимался темой туризма. Я проехал по Нарочи, Браславским озерам, там, где мы туристические направления развиваем. И меня везде толпа людей встречает. Подхожу. «Вы чего?» – спрашиваю. «Александр Григорьевич, мы из Москвы, из Питера. Мы хотели вас попросить. У нас вот путевки заканчиваются, а Москва горит. Не отправляйте нас туда». Дышать, говорят, нечем. У директора спрашиваю, он отвечает: «Завтра люди новые заезжают. Куплены места здесь». Я говорю: «В коридоре ставь кровати, но людей не выгоняй». И они еще месяц жили. Я дал команду, чтобы ни одного москвича не отправляли, даже если закончилась путевка.

И вот тогда я иду – там, в Витебской области, тоже жаро-ища.

На севере нашем 37 градусов. И думаю: «Какое счастье, что мы вот это все сохранили!» Вот она – вода, вот лес, вот эта природа. Это великое дело.

Посмотрите на Минск. Он что, на Москву похож? Центр Европы. Вы что думаете, сюда не хотят приехать и построить небоскребы, какие-то башни, «стекляшки»? Хотят. Но вот был бы здесь мэр Минска, он бы сказал, какая здесь политика. Сносим что-то в центре Минска или там, где спальных районов много, и строим парки. Там по несколько десятков тысяч человек проживает.

Вот недавно Комсомольское озеро привели в порядок. Не знаю, были вы там или нет? Фонтан сделан. А его никогда не чистили. Мы вычистили все. Зачем? А рядом огромный спальный район. Людям нужна чистая вода. Это фактически из бассейна питьевой воды мы перебрасываем сюда воду. Ну пусть люди с детьми на эту травку приходят. Трасса вблизи, где я постоянно езжу в резиденцию городскую и из нее. Лежат дети маленькие, женщины, мужики, девчонки – ногами мне только машут. Люди отдыхают в центре города. Что в этом плохого? Это же прекрасно.

Мы, кстати, не перенаселяем Минск. Вот сейчас принято мной решение, что, сколько есть населения в Минске, столько достаточно. Не надо в Минске все строить. Зачем мы стягиваем трудовые ресурсы только в Минск? Уже 20 процентов трудовых ресурсов здесь. Сейчас строим спутники Минска. Города за 15, 20, 30 километров от столицы. Чтобы можно было просто приехать человеку на работу, если он хочет. Строим другие малые города. Программа возрождения села работает. У нас полторы тысячи агрогородков построено за 7 лет. Может, были вы в каком-то агрогородке, видели. Ну дошлифуем мы их за 2 года. Но там уже гордо люди живут. Там есть все необходимое, начиная с детского садика и заканчивая теплой водичкой в любое время года. А иначе как?

И все это в мире и согласии с природой.

Вот в следующий тур надо просто отвезти российских журналистов в Беловежскую Пущу. Чтобы вы увидели, как мы сохранили этот лес. Вы увидите то, чего даже на Байкале не видели и в Забайкалье. Вековой лес! Мне пришлось недавно, у меня есть такое увлечение, рубить дрова. Нагрузка самая тяжелая. Даже тяжелее, чем косить. И вот мы приехали туда, и директор говорит: «Александр Григорьевич, недавно пришлось спилить сосну. Ей 450 лет. Начали ее распиливать бензопилой. И на высоте где-то метров 15–20 находим дупло. Когда сосне было 200 лет, это 250 лет назад, человек бортничеством занимался. Вырубил это дупло, чтобы пчел туда поселить». Ну я пилю дальше, а он, ой, стойте, кричит. Я говорю: чего ты? Вы же посмотрите, что это! Это же достояние музейное. И начал мне рассказывать. Он молодец, разбирается в этом. Ну что, мы отпилили и в музей отвезли. Мало того, что президент распилил, так еще и 250 лет тому назад это вот дупло было сделано. И вот приедешь в эту Беловежскую Пущу – ходишь, радуешься. Скажу вам откровенно, я никогда в руки не взял ружье, будучи президентом. Никогда. Надо планово отстреливать животных, а я говорю: нет. Вы, пожалуйста, сами. Чтобы не было излишков – отстреливайте. Но я никогда с ружьем в Беловежскую Пущу, в парк или в лес не заходил. Какое у тебя будет отношение, такое будет у подчиненных. И это все передается людям...

Это не только мое личное отношение, у нас такое отношение и у людей. Всякое, конечно, бывает. Но разбоя нет. Потому что мы не разрушили систему, которая была. Мы ее усовершенствовали. Знаете, в чем, насколько я понимаю, ваш недостаток? Не надо было в аренду отдавать лес. Это хуже, чем собственность. Ну что такое арендатор? Это не его. Выпилил, вывез, продал, не заплатил ничего государству, а потом лучше пусть оно подожжется, пусть сгорит, все спишется. Аренда – это же хуже, чем государственная собственность. Ладно бы уже частнику отдали и со всей ответственностью спросили.

И знаете, я много слышал, что надо законы принять. Возродить федеральный надзор и прочее. Ну и что? Ну возродили федеральный там надзор, службу и что? В стране должен быть порядок, понимаете? Ибо будет, как эта девушка сказала: закон есть, но его никто не соблюдает. Из Москвы всё не про-

контролируешь в губерниях России. И надо дать право по-настоящему хозяйствовать. Это и ценообразование, и планы, и доведение заданий, и прочее. Чего мы этого боимся? Японцы несколько десятков тысяч планов сегодня составляют. Восстанавливать надо лес. Рубят – восстанови, ураган прошелся – восстанови.

Поэтому, если вы примете только закон и от одной системы перейдете к другой, уже в ближайшие 5–6 лет увидите, что это не даст эффекта. Если в целом не будет порядка в стране.

Голос: Александр Григорьевич, в этой поездке мы увидели такое идеальное государство, где предприятия процветают, улицы чистые, власть понимает людей, нет преступности. Как нам сказали, на всю Минскую область всего 9 наркоманов. Но не является ли это такой глянцево-стороной нашей поездки? Какие все-таки проблемы есть в вашей стране, если не касаться внешней политики?

А.Г. Лукашенко: Вы знаете, если вам так сказали, – это вранье. И наркоманы у нас есть... Есть. Всё есть. И не 9 человек. А я уверен, что больше тысячи по стране. Поэтому если вам сказали, что 9 человек – это полное вранье. Но, может, у них зарегистрированы какие-то там больные 9 человек. Хотя я вот не знаю. Мы можем сейчас запросить информацию, сколько у нас зарегистрировано официально.

Хочу вам прямо сказать: у нас не идеальное государство. Наше государство не может быть идеальным, потому что оно не может себя самоизолировать, даже в хорошем смысле слова. Как мы можем защититься от этого?

Рядом – Россия. Через Россию идет поток всей этой гадости, начиная с Афганистана. Разворошили там все в Азии. И этот поток, мы же когда на ОКДБ собираемся, всегда первый вопрос о нем. Ну как мы можем от этого быть застрахованы?

Страшная проблема – пьянство. Ну как мы можем меньше пить, чем россияне? Один народ: пьем так же, как и вы. Пожестче немножко на производстве спрашиваем, может быть, за это пьянство.

На улице мимо пьяного никто не пройдет. Я имею в виду милиционер или даже прохожие. Могут голову отвернуть в парке или куда-нибудь сбросить, если ты пьяный идешь и цепляешь кого-то плечом. То есть нетерпимость эта есть. Но пьем не меньше вас.

Поэтому если вам сказали, что у нас не пьют, ерунда это все. Пьют. Пива меньше, правда, на человека выпиваем. Была поставлена задача, чтоб догнать Россию по потреблению на брата пива и чуть-чуть понизить крепких спиртных. Потом мне говорят: да нет, это тоже плохо. Так я уже не знаю, что теперь делать.

Что касается глянца. Я не думаю, что вас возили и показывали вам самое-самое... Но вы имейте в виду, что у нас плохого хватает. Но это совершенно не то, что, допустим, я недавно в Евросоюзе увидел, когда полетел в Вильнюс. На вертолете. Знаю хорошо эти земли.

Там была высочайшая культура. Теперь все бурьяном заросло. Вы знаете, у нас такое если где-то и есть, то чуть-чуть. То, что мы взылись за деревню, это факт. Года два назад, в первый год президентства Медведева, мы из Бреста ехали в Беловежскую Пущу. И вот он сидит и смотрит, вместе сидим в автомобиле, говорит: как я тебе завидую, такой урожай! А хлеба хорошие! И потом Гродненская, Брестская области, сейчас уже даже Могилевская область, считайте, российская область, где я прожил свое детство, она уже больше миллиона тонн получает хлеба. Беларусь у нас – вообще зона критического земледелия, чтобы вы знали. Это не Краснодарский край.

И он говорит: как я вам завидую, как этого достичь? Я ему начинаю говорить одно – нет, у нас это невозможно; начиная еще ему что-то там говорить – нет, это невозможно. Деревня спилась, и неизвестно, как сейчас вытащить деревню. То есть он сравнивал реалии российские, он нацпроекты возглавлял в правительстве. А я ему начинаю советы давать исходя из нашей действительности. Нет, это нам не подходит, нет, это уже тяжело сделать. Я вижу, насколько он озабочен этим, и приводит в пример то, что он видел в Беларуси. Поэтому да, видели, наверное, лучшее. Я смотрю по вашей программе. В Дзержин-

ске были. Там птицефабрика полрайона земель забрала. В идеальном состоянии Дзержинский район.

Я когда-то давно был там на птицефабрике, министром забирали оттуда мы человека, а сейчас он работает губернатором на западе. Он сделал нормальное предприятие. У нас очень много таких предприятий, притом они когда-то были безнадежными. Вот у меня на родине. Я никогда не думал, что там может быть нормальное предприятие. Национальный банк забрал его, и все. Теперь ко мне только и приходят пожаловаться, что мало земли стало. Наверное, уже четверть района забрали. Но 75 центнеров с гектара в этом неблагоприятном году собрали. Построили там комплекс, датский вариант.

Очередь за мясом. Там самое лучшее мясо. Мы его распределяем, как в советские времена, по детским садам пока, с этих комплексов. Людей как подменили. Ну они там получают 900 долларов в месяц. Не говоря уже, что молоко им дают, мясо по дешевке, как положено. Доярка получает 900 долларов в месяц. Она на ферму никого не пускает, не надо никакого контроля. Было 70 человек на ферме, осталось 23. То есть вот то, что вы видите, у нас это не самое, может, даже лучшее. Но образцы хорошие, есть еще и лучше. У нас есть еще где и плохо, но у нас нет бардака. Самое главное для любого государства – нащупать тот путь, по которому ты должен прийти к этим результатам. Мы знаем этот путь. От возделывания картофеля и заканчивая социальным развитием села в целом, мы это знаем. Поэтому вы должны иметь в виду, что это не специально к вашему приезду мы создали эти образцы. Это действует давно, работает, это реальность в нашем государстве...

Мы стремимся к тому, чтобы это у нас была справедливость в обществе и порядок во всем. Искренность. Всюду человеческое отношение должно быть. Согласитесь, это и не только простого человека, но даже и вас, людей элиты, больше всего волнует. Если нет порядка, безопасности не будет. Поэтому я считаю, что это главное, что я должен сделать для человека. Мы, знаете, много можем рассуждать с вами на своем уровне – на уровне министров, журналистов. Мы люди вроде бы, так сказать, самодостаточные, обеспеченные, можем говорить и о демократии и можем говорить там о правах и так далее. Но человеку надо сначала земное дать, дать возможность ему жить нормально, работать... И у нас были времена, когда трудно было во многих семьях. Но тогда президент, видя это, дал команду три раза в день кормить детей в школе. Мне говорят: расходы большие и прочее. Я говорю: вы имейте в виду, что мы живем в других реалиях. У президента нет проблемы накормить малыша, а в иной семье есть. Лет десять тому назад была. Но в школу, в детский сад придя, я буду твердо знать, что до 18 лет он три раза в день будет накормлен. И мы кормили. Эта традиция осталась. И сейчас кормим. То есть вот государство, я считаю, исходите прежде всего из этого должно. Чтобы было нормально людям.

А бездельникам, а пьяницам, бомжам, которые работать не хотят, что сделать? Мы недавно приняли очень жесткое законодательство по бездомным, брошенным детям. У нас около 30 тысяч, по-моему, в детских домах и приемных семьях. (Было – 32, сейчас – 25 тысяч.) Это немного. Но 25 тысяч есть. И мы очень жестко ведем политику. Даже если семья не бросила ребенка, но приходят специальные службы и смотрят, что ты не можешь обеспечить ребенка и воспитать, мы все делаем, чтобы изъять из семьи ребенка. Я это видел, работая руководителем на селе. Я видел, когда я заходил в семью, где пятеро детей, – до сих пор перед глазами это стоит. Понимаете, макароны, которые уже, наверное, неделю назад приготовили, они разогрелись и пригорели к сковородке, и они ручонками царапают эти макароны. Разве такая семья нормальных детей воспитает? Бросят этих детей, сами пьют где-то, соседи смотрят. У нас народ, знаете, такой – белорусы истинные: сосед не бросит ребенка. Забираем детей, а тебя на принудительную работу.

Иди и заработай 150 тысяч и заплати за того ребенка, которого ты родила. Не работаешь – пойдешь в лагерь.

Да, жестко, но мы как-то должны хотя бы затраты компенсировать. Заставить людей думать, практику прививать, как в Италии. Там нет ни одного брошенного ребенка. И нас просят: дайте нам детей из Беларуси на воспитание. Я говорю: «Может быть, и дадим». Потому что у нас нет такой практики вывозить

детей в Италию, в Америку или еще куда-то. Давайте список, кого вы хотите взять и кто гарантии дает, – Папа Римский, второе после него лицо или Берлускони. Присылают гарантии. Под эти гарантии наше посольство берет на контроль каждого, и посол (у нас договор с ними) приезжать может в любое время. Приедет, посмотрит, как этот ребенок обеспечен.

Но это очень редко. Нас упрекают, что мы своих детей не отдаем за границу. Мы насмотрелись, у нас один уже был случай. За всю мою практику – один случай, когда обидели белорусского ребенка за границей. Ну и потом, это унижительно для любой страны, когда она не может обеспечить своих детей, и они потоком едут туда, а над ними там издеваются.

И последнее, что мы в этом плане делаем: поставили задачу закрыть все детские дома. Ну, может, 2–3 останется. А детей переселяем в отдельные особняки, где муж и жена. Дома семейного типа, так они называются.

Я недавно деревню такую открывал, помогают там и россияне нам. Банкиры помогли ее построить. И таких деревень много. Допустим, 15 особняков, по 7–10 детей в одном доме. Родители берут, у них двое-трое своих и 7 приемных. Мы им даем особняк на 10 детей, платим матери и отцу за воспитание, это их основная работа. Ну отец, правда, еще где-то работает, и они получают деньги. Содержат 10 детей.

У нас в детском доме в среднем 120–150 детей. 10 особняков – и полностью освобождаем детский дом. И останутся, мы просчитали, 2–3 детских дома. Там, увы, дети такие, которых никто не возьмет. Поэтому нам придется из 15–20 этих детских домов оставить только несколько.

И в будущей пятилетке мы полностью решим эту проблему. Даже раньше решим. И это великое дело...

Государство надо оценивать по тому, как в нем относятся к старикам и к детям.

Что мы сделали по старикам? Это была большая проблема, особенно на селе. Кто-то в Россию уехал и забыл, что у него есть родители где-то далеко. Простые люди – им-то и приехать огромные деньги нужны. У кого нет вообще детей. И вот таких стариков было очень много. Когда мы начали реформу здравоохранения, у нас была оптимизирована сеть больниц и ФАПов.

Участковых больниц на селе и в районе обычно было две (в маленьком районе). Одна участковая больница освобождается. Как-то думали, думали, что ее закрывать? Эти больницы мы переориентировали в больницы сестринского ухода. То есть у этих стариков весна–лето нормально, у них есть свой домик, где они живут. Но осенью и зимой у них нет возможности и сил печку протопить. Если ухаживать за ними надо, мы их собираем в эту больницу, переоборудовав ее под гостиницу. Там врачи есть и медсестры. Этой больнице они платят половину пенсии своей. Половину им просто некуда расходовать, она у них остается... Практически по всей стране введена эта практика. И нет брошенных стариков. А ведь это проблема. У меня мать 85 лет. Она ходит, нормально передвигается, а многие вообще передвигаться не могут.

Вот я вам эпизод по детям рассказал, эпизод по старикам. Это же все будет транслироваться в Беларуси. Может быть, мне скажут, что не везде это так. Может быть, где-то мы что-то пропустили. Но такая практика уже реализована. Если где-то нет – пусть скажут. Порядок наведем. Но брошенных стариков нет.

И потом, знаете, вот я, если бы меня спросили: твое самое большое достижение? Я часто думаю, а что я сделал за это время? Пусть, думаю, ничего не сделал, а вот скажу словами Петра Петровича Прокоповича, председателя Нацбанка, он же Герой Беларуси. Он говорит, что если бы даже мы ничего не сделали за это время, то нам памятник при жизни надо поставить за спасение села. Любое предприятие промышленное, связь, транспорт, все это можно сделать. Инвестиции, станки поставил, людей научил – будут работать. Но если только рухнет село – всё, нет страны. И как-то нам повезло или нас Господь так сориентировал, что мы схватились за эту проблему лет 5–7 тому назад. И вот целую пятилетку мы работали по селу.

И будучи на «Дажынках» недавно, я отметил. Вот многие не понимали, когда мы в это ввязались. Вот денег много надо и так далее. Нынешний год, смотрите, Россия выгорела, нет продуктов питания, Украина сгорела, Европу затопило полностью.

То есть излишков продуктов питания при полутора миллиардах голодных в мире, согласитесь, нет сегодня. Наоборот, дикий спрос. Цены растут каждые сутки. Картошку у нас никто уже не покупал, мы уже почти ее перестали производить. Три года назад заставил вернуться к этой культуре. Сегодня доллар килограмм картошки стоит. Дороже, чем нефть и природный газ. И в основном в Россию мы продаем прямо с полей. Но сдерживаем и на хранение себе оставляем...

Я публично недавно сказал, что мы бы сегодня стояли на коленях с протянутыми руками. Только куда их протягивать? Если тяжело, не хватает нефти и газа – к России, к Венесуэле. А здесь куда? В России нет лишнего, на Украине уже все покупают, даже сахар у нас. В Европе лишнего тоже нет. Даже сейчас Польшу, Германию затопило – и не могут урожаем собрать. К Господу Богу только надо было бы руки протягивать. Вот это пример того, что мы угадали и правильно наметили эту стратегию. Но мы ее еще не до конца реализовали. Через 5 лет я вас приглашаю. Вы нашу страну не узнаете.

Василий Касаткин, газета «Красноярский рабочий»: Как я убедился, модель экономики в Беларуси – она уникальная. Она построена так, что комплексно учитывает развитие отраслей с конкретными тактическими и стратегическими задачами. Нам в России говорят, что рынок и некие моменты плановой экономики не сочетаются, и я понял, что все это, мягко говоря, бредня. Вот какими базовыми инструментами Беларусь создает условия инвестиционной привлекательности в стране? И второй вопрос. Есть ли программа по возвращению белорусов на родину? И поддержки, может быть, даже иностранцев, кто хотел бы приехать в Беларусь?

А.Г.Лукашенко: С последнего начну. По поводу возвращения белорусов на родину. У нас такого нет. Мы – очень интернациональный народ. И знаете, были годы, когда к нам примерно тысяч 35 человек въезжало. Тысячи полторы выезжало. Сейчас, наверное, поменьше въезжает. Но у нас такого никогда не было, чтобы вот только приехали белорусы. Больше всего, конечно, россияне к нам приезжают. Но почему я об этом говорю? У нас сегодня около 10 миллионов населения. Я считаю, мы запросто могли бы прокормить 30 миллионов. Но вот Григорий Леонидович Кисель сидит сзади, руководитель одного из каналов телевизионных, он говорит: «Александр Григорьевич, 30 – это многовато. Тогда яблоку будет негде упасть. Не говорите 30, пусть будет 20». Я говорю: «Ну ладно, 25». Такой у нас был недавно разговор в лесу, когда дрова рубили. 20 точно в Беларуси на нашу площадь поместится. Говорят, что маленькая Беларусь. Ничего она не маленькая. Это нормальное средневропейское государство.

Маленькое в сравнении с Россией или с Америкой, или с Китаем. А так – нормальное государство. Поэтому мы открыты для людей, которые к нам приезжают. И мы не выбираем, что бы вот это обязательно белорус бы был.

Наше великое достояние – мы самый интернациональный народ в мире. У нас нет национальной розни, религиозной розни, у нас этого нет. И мы это как зеницу ока храним.

Что касается инвестиций. Вы знаете, мы приняли все решения для того, чтобы инвестировали в нашу экономику. Но я не скажу, что уж мы слишком тут преуспели. Ну бытует у нас у некоторых мнение, что вот инвестиции, иностранцы придут, тебе экономике разовьют. Я не придерживаюсь такой точки зрения. Если они и придут – это куча льгот, от них бюджет теряет. Зарплаты там пониже. Мы, конечно, требуем и с частных тоже, чтобы они придерживались уровня зарплат. Положено вот в этой пятилетке довести средний уровень до 500 долларов – должны в этом участвовать и частники.

У нас нет олигархов. Это у вас средняя хорошая может быть. Когда миллиарды доходов у одних, а копейки у других. У нас это более выравнено. У нас самый бедный и самый богатый – разбежка в 3–5 раз. У вас 27!

То есть это примерно нормальный шведский вариант. Оптимально у немцев, говорят, до 5 раз разрыв. Но если уже 10 и выше – это катастрофа в обществе.

Мы создаем эти условия для инвестиций. Пожалуйста, приез-

жайте. Но каждый проект мы прорабатываем. У нас дверь не распахнута: кто приехал, что хочет, тот и делает.

У нас безработица меньше процента. Мы считали: в 1,5 раза требуется больше людей, чем безработных.

Я уже подумываю о том (сейчас не озвучиваю в предвыборную кампанию), после выборов, если все нормально сложится, придется, как в советские времена, применять меры воздействия, чтобы люди работали. Люди очень болезненно, особенно на селе, реагируют, когда 2–3 разгильдяя ходят, ничего не делают...

Мы, как и в России, наверное, создаем условия для инвестиций, я просто не хочу перечислять, начиная от законодательства и бизнес-климата. Что касается вывода капитала, так, честно говоря, на моем уровне эту проблему не поднимали.

Значит, наверное, она остро так и не стоит. Ну, может быть, кто-то и вывозит, но это же его деньги, мы же не можем препятствовать. Хотя я не думаю, у нас миллиардеров нет. Миллионеров немного. Ну чего им вывозить эти миллионы? Здесь можно потратить. Что касается модели развития. Скорее всего вам и напишут, и расскажут, а что касается плановой экономики – у нас есть пятилетние прогнозы. Вот буквально через два месяца состоится Всебелорусское народное собрание. Делегаты избираются на него. Мы будем принимать программу на предстоящую пятилетку. Это не столько программа, сколько прогноз. Но каждый год мы ее детализируем ежегодными прогнозами. И даже сказал бы, планами. Есть 20 основных плановых показателей: рост ВВП, производительность труда, прибыль и рентабельность, показатели эффективности и так далее. Мы от этого не уходим, это наши ориентиры. Но имейте в виду, хотя говорят, что плановая экономика – анахронизм, ведь это и ответственность. Вот, к примеру, мы запланировали на эту пятилетку среднюю зарплату поднять со ста пятидесяти–двухсот, как было в прошлой пятилетке, до пятисот долларов. Все нормально шло. А тут кризис. И что ты людям объяснишь, что был кризис? Нет, люди все помнят и спросят: а где 500 долларов? Напрягаемся. Это же не советские времена. Тут оппозиция внутри, и еще в России подсказжут, что он пообещал и не сделал. Поэтому это ответственность. Я считаю, что от этого не надо уходить, это обязывает любое руководство страны, любое правительство.

Ангелика Кириллова, Гостелерадиокомпания «Чувашия»: Инициативные группы начали сбор подписей в поддержку кандидатов в президенты. Ознакомились ли вы со списками инициативных групп и кандидатов? Как вы оцениваете потенциал тех людей, которые сделали первый шаг для участия в президентских выборах?

А.Г.Лукашенко: Ну, во-первых, у меня инициативная группа очень большая. 8 тысяч 400 человек. Самая большая – у либерал-демократов. Это как у вас Жириновский. У него десять с половиной где-то тысяч. У меня – второе место. У остальных поменьше. Но надо не меньше 100 человек. 17 групп осталось. Было 19. Кого-то, наверное, не зарегистрировали, потому что не было инициативных групп – у кого там всего 10 человек. Я смотрел это. Но я не анализировал. Свои списки тогда подписывал, я попросил, чтобы люди были с мест. Сами изъявили желание. Но, конечно же, я не помню и многих людей не знаю из этих 8 тысяч. Что касается списков инициативных групп других, если я правильно вас понял, абсолютно не знаю даже. Абсолютно не знаю этих людей. Мне сейчас не до этого анализа. Вы поймите одну простую вещь. Если я буду очень интересоваться всеми этими процессами и в них влезать, я буду только раскручивать своих оппонентов. Понимаете? Поэтому я не первые выборы так провожу. Я занимаюсь своим делом.

В плане у меня год тому назад или полгода поставлена была эта пресс-конференция. Девятнадцатое повышение размера заработной платы за пятилетку. Да, мне говорят, это перед выборами повышение. Ну извините, это девятнадцатое. В этом году четвертое. Поэтому не надо меня упрекать. Я работаю спокойно. Я никогда не покупал избирателей. Мне это не надо. Думаю, что и до выборов мы так дойдем спокойно.

Лев Кошечев, газета «Уральский рабочий»: Александр Григорьевич! Вот здесь уже говорили о модели развития, упоминали Германию и Швецию в том числе. Хотелось бы спросить, какая страна является для вас как бы эталоном социально-экономического уклада? И какой политический деятель является пусть не объектом для подражания, но все-таки в какой-то степени идеалом?

А.Г. Лукашенко: Я часто говорил, сейчас начинаю ревизовать свое мнение, что де Голль в свое время очень много сделал для Франции. Смелый и решительный был человек. И Рузвельт был неплохим. Поэтому я их часто приводил в пример. Сказать Владимиру Ильичу Ленин или Иосифу Виссарионовичу Сталин – вроде непопулярно. Хотя я абсолютно не придерживаюсь той точки зрения, как у вас, в официальной России, что Сталин – враг, Ленин – преступник. Нет. Ни в коем случае. Даже вчера на выставке как раз картину выставили: Владимир Ильич Ленин молодой, с молодежью. Я говорю: «Дай бог нам таких мыслителей, как Ленин, сейчас». Все-таки это глыба. Изучал, у меня первое образование историческое. Я изучал и Маркса, и Ленина, материалы, документы, труды. Я почти всё собрание сочинений, на истфаке это надо было, Владимира Ильича Ленина прочитал. И это, действительно, был глыба, величина. Ошибок, конечно, было море. Но подождите. Вот мы лет через 30, если доживем, посмотрим, что про наш период скажут в России, в Беларуси. Найдут столько пакостей: и сколько журналистов погибло, какая демократия была, и сколько убили на Северном Кавказе и так далее. Поэтому не надо торопиться. Я с этих уже позиций это все оцениваю.

Я считаю, что было очень много ошибок. Все наши ошибки Российской империи и России сегодня кроются в том, что мы не умеем относиться по-человечески к своим людям. Это какой-то, понимаете, бросовый материал. У нас что, в годы Великой Отечественной войны кто-то думал о людях, которые миллионами гибли? Да нет. Да, надо было спасти страну. А может быть, надо было бы меньшими жертвами это сделать? А может быть, предвидя что-то? Это тоже очень большой недостаток руководителей тогдашнего времени.

Но ведь сегодня нет таких руководителей, как Сталин. И вот мы, будучи в Крыму, на его верхней даче в Ялте, – ваш президент, глава Украины, я и другие президенты – зашли и посмотрели, где он жил. И разводим руками. Сегодня мы так не живем. Скромность везде, в одной шинели умер, как говорят. И лично был скромным. И для государства немало сделал. При этом я не отрицаю, что куча была ошибок. А вы, россияне, больше это знаете и чувствуете.

С нами еще Бог был в это время. Хотя и репрессии были, и вывозили, но это не в таком масштабе. Что касается Ленина, извините, как бы то ни было ошибок море было, а когда против нас ощерились все, Гражданская война и империалистическая агрессия, он защитился. И не только потому на нас накатывали и нападали, что большевики пришли к власти. Возьмите Отечественную войну 1812 года. Тогда же большевиков не было. Всегда было так, что на нас перли со всех сторон. И тогда при Ленине выстояли. После этих передрыг внутренних еще и государство создали. И это государство явилось предтечей нового государства, выхода в космос и еще многих достижений.

Было много в истории и хорошего. Только почему-то у нас всегда так бывает: или мы прокиналием Господа и не пускаем людей в церкви, или потом все свечки хватаем, на колени бросаемся и лбом о пол в церкви стучим. У нас всегда вот какие-то крайности. Белорусам это, считаю, не присуще. Если присуще, то меньше всего. Крайностей здесь быть не должно. Не надо долбить наших руководителей, которые сейчас не живут. Что, Мао Цзэдун был лучше в Китае? Но никто не ставит там вопросов о выносе его из Мавзолея. Никто о нем плохого слова не сказал. А ведь и там же миллионы погибли...

Но если бы вы у меня спросили: «А кто он, на которого я молюсь?» Честно скажу, таких нет. Чтобы я молился на какого-то руководителя. Потому что я сам знаю уже сейчас, что это создается образ людей, обожествляется уже человек. Не надо нас обожествлять. У нас недостатков больше, чем у вас. Потому что нам приходится принимать огромное количество реше-

ний. И не всегда они правильные, и последствия иногда одного решения такие пагубные, что обычный человек за всю жизнь столько не натворит. Поэтому я уже из этого исхожу, посидев в этом кресле.

Раньше я говорил, лет 10–13 тому назад, что мы будем опыт брать Швеции и Германии. Я о них говорил. Ну, знаете, я бы тоже не стал их идеализировать вот спустя много-много времени. Да, средства массовой информации создают определенный образ, и у них есть что-то. Но у них проблем море. Может быть, не меньше, чем у нас. Поэтому нет у меня такой идеальной страны. Когда мы принимаем какое-то решение, мы изучаем массу стран. Массу подходов. Где-то берем лучшее в Великобритании, в Германии, в Швеции, в России очень много. Вот эти ростки и начинаем развивать у себя. Что-то сами выдумываем. Поэтому я тоже не идеализирую ни страну, ни лидеров в разное время этих стран.

Андрей Сафонов, газета «Челябинский рабочий»: Александр Григорьевич! Скажите, пожалуйста, вас, как сильного человека, не тревожит тот факт, что за 16 лет не созрел адекватный политик, который реально, эффективно может побороться с вами за власть? Ведь может сложиться такая ситуация, когда вам придется уйти по объективным причинам. Например, в силу возраста. А Беларусь вообще останется без сильного лидера. И в связи с этим, какой принцип смены власти вы считаете для своей страны наиболее приемлемым?

А.Г. Лукашенко: Я не знаю, как будет завтра, когда я не буду президентом. Поэтому я не буду тут перед вами рисоваться. Но я вам скажу, как я сейчас это понимаю. Я не хочу оскорбить своих людей, они в меня верили и, наверное, верят. Очень сильно верят. Они меня в 38 лет избрали президентом. Это в Европе вообще непозволительно было, особенно в тот период времени. И я до сих пор не могу найти объяснение, почему меня избрали. У меня не было ни денег, ни людей. 10 человек у меня было. Вот мы ввязались в эту драку, хотя я бывшему премьер-министру (тогда был Кебич, у нас парламентская была республика, он всем управлял) говорю: «Вячеслав Францевич! Давайте вы будете президентом, а я помоложе, буду у вас вице-президентом. Давайте вдвоем пойдем – у него большинство в парламенте было. Вводите в Конституцию должность вице-президента (тогда мы Конституцию меняли и вводили пост президента) – я пойду с вами». Он говорит: «Эта идея». Они выпили, дружи его от этой идеи отвели. Он говорит: «Не хочу». Смотрите сами, тогда я буду баллотироваться кандидатом в президенты. Только приняли Конституцию. И тогда шел разговор: или с 40 лет разрешить баллотироваться на пост президента или с 35? Все думали о Лукашенко, поскольку я был известным депутатом в то время. В парламенте уже все шло к тому, чтобы сделать 40 лет. И я никогда бы не стал президентом. Но в последний момент, когда поставили на голосование вопрос: 35 или 40 – проголосовали за 35...

Меня избрали. Я пришел утром на работу. В президентское кресло сел. Полки пустые, цены сдерживали, все вывезли в Россию, в Польшу. Потому что у нас низкие цены были. Ни хлеба, ничего нет. За сутки в 18 раз подорожал хлеб. Отпустили цену. В 18 раз!

Приезжаю на завод «Горизонт», женщины вокруг собрались и плачут. Говорят, хотя бы 20 долларов зарплату нам. Нечем детей кормить. Они плачут. И я с ними плачу. Есть эти фотографии, кадры.

Я с ума сходил. Сутками сходил с ума. А тут еще бегут эти так называемые помощники, кто пришел ко мне работать. И эта дикая информация: ай, ай, то не так, это не так. Тут надо правительство формировать, решения принимать. В общем-то, навыков не было. Но я знал в принципе как это делать. И я пошел снизу, от людей. Я к людям. Каждый день к людям. Они что-то подсказывали. Я их просил: «Ну потерпите!» А тут же у нас СМИ? Вот этот Шеремет, который у вас сегодня болтается в Москве и клеветает на страну, – ну от него жизни вообще тут не было. Ему платили деньги западники. Много таких было. Ну раздразнил полный был. Конечно, меня не воспринимали. Колхозник

пришел. Колхозник и все, бей его. Только простой народ меня как-то поддерживал. И вот эта величайшая ответственность перед простыми людьми, она у меня сохранилась и сейчас.

Я категорически не хочу оскорбить свой народ и не дать им право выбора. Поэтому забудьте эти разговоры о том, что я готовлю своих сыновей или там старшего сына как наследника... Никакого наследства. По наследству власть никто передавать не будет. Я еще раз говорю. Я вам говорю так, как я сегодня это понимаю. Я вам говорю честно и искренне. Я не хочу, чтобы мои дети были в Беларуси президентами. Не хочу. Я наелся, и моим детям из-за меня хватило этого президентства.

Я это воспринимаю как работу, жуткую, напряженную, работу. Да, конечно, я же человек, я горжусь тем, что я Президент. Я горжусь, что именно меня избрали Президентом. Но это малое из того, что приходится делать. Я как к нормальной работе отношусь. И это очень тяжелая работа. Поэтому не надо на это смотреть, как на что-то великое. Обязательно надо схватить и по наследству передать. Я к этому так не отношусь. Я единственное мечтаю о том, чтобы, когда я уйду, над моими детьми никто не издевался. Понимаете?

Все сегодня хорошие, все тебе красиво песни поют. А потом будут палками забрасывать. Вот я не хочу, чтобы не меня, ладно, я уже прожил что-то, чтобы над моими детьми никто не издевался. Особенно над этим малышом. А это может быть. Я вижу, как сейчас в России. Что он сделал для российского руководства плохого? И Медведев его знает, и Путин его знает, и здоровались. И Путин ему пистолет даже боевой подарил. Кстати, на учение приезжал, он ему показывал этот пистолет. Ну что уж такого он плохого сделал, что его начали долбить. Ну родился он, какое кому дело? Это мой сын... Я бы мог его спрятать, как у вас умеют это делать, но я не хочу это делать. Дети – это от Бога. Поэтому единственное: я хочу, чтобы моих детей потом не трогали, чтобы они жили спокойно, работали, чтобы их не упрекали за отца. Вот такая у нас политика, если можно сказать, в семье. Не нахожу только ответа, когда мне задают вопрос: вот тебя не будет завтра, где нам жить? Из Дроздов нас выселят. Так вот я хочу, чтобы по-человечески, если вдруг меня не станет, чтобы к детям нормально относились.

А право выбора за народом мы сохраним. В конце концов если уж я нормально буду уходить, то мы найдем Прокоповича, Семашко, Петрова, Сидорова. Таких людей у нас немало, и я могу за них слово замолвить: если вы мне верите, поддержите этого человека. Я так сегодня думаю, может, мое мнение поменяется. Но запомните то, что я вам скажу. Президентами не становятся, президентами рождаются. Вы можете критиковать Ельцина сколь угодно, но по рождению, по природе – это был президент России. У него это было от природы.

Сергей Дик, «Русская служба новостей»: Александр Григорьевич, хотелось бы продолжить тему отставки столичного мэра. Каким вы видите политическое будущее Юрия Лужкова? Как вы оцениваете перспективы возбуждения уголовного дела в отношении его либо его жены? Появились предположения, что Юрий Лужков может начать свою работу в Беларуси. Как вы считаете, возможна его здесь политическая карьера? Если да, готовы ли вы предложить ему какой-либо пост здесь, в правительстве?

А.Г.Лукашенко: Вы знаете, если Юрий Михайлович что-то у меня попросит и я буду в состоянии для него что-то сделать, я обязательно сделаю. Не потому, что он мой друг. Он для Беларуси сделал очень много. Простите за нескромность, я мужик настоящий. Я друзей никогда не бросаю. И не только друзей. Если брат Бакиев, мы вместе работали. Никакой другой причины в этом нет. Мы вместе работали, вместе ужинали, вместе обеды, ну понемножку кто-то где-то, может быть, и выпивал. И бросать людей ни в коем случае нельзя, ибо будешь брошен сам. Все это вернется. А Юрий Михайлович не только мой друг. Он много сделал для страны. Я не думаю, что он у меня работу по-

просит. Не думаю, что он пойдет на какую-то государственную работу... Что касается его отставки, я уже тоже об этом сказал. И формулу вот сейчас сказал: как ты к людям, так и они к тебе.

Что значит не доверяю?

Я думаю, нельзя увольнять по таким основаниям – первое. Второе – уважение к человеку. У него в будущем году, по-моему, заканчивается срок. Так? Что, невтерпеж было? Это я говорю как президент. Невтерпеж? Да и мне не нравится в правительстве кто-то. Сегодня взять и повыгонять? А семья у него, а дети, а друзья? Пройдут выборы. Правительство уйдет в отставку по Конституции. Не хочешь ты, чтобы работал этот министр в новом правительстве, ты его не назначай. Но это будет порядочно. Согласается, все же мы люди. Так и здесь. Подожди немного. Через 2–3 месяца он сам не пойдет на новый срок. Лужков не пошел бы по пути назначения принципиально. Это я знаю. Точно. Он доработал бы срок и ушел. Но это дело президента... Я говорю, как бы поступил я.

Везде надо исходить из человеческих позиций. И я не против буду, если и Елена придет с деньгами и тут устроится на работу. Совсем не против. Мы дадим ей большой фронт работ. Пусть живет и работает. Мы приветствуем таких людей... Что касается уголовных дел. Если это произойдет, то всем же понятно, почему будет это инициировано. Не потому что у Лены там 2,5 миллиарда долларов. Некоторые в Великобритании сидят, и у них по 30 миллиардов. И ничего. Никто уголовных дел не возбуждает. Приезжают спокойно, покупают там клубы. Одинаковое должно быть отношение. И я уверен, что для власти, если она будет инициировать уголовные дела против Лужкова, это высочайшая степень падения. Ну может быть, я чего-то не знаю? Может, там действительно во вред России что-то происходило? Ну так Юрий Михайлович всегда говорил так, что есть закон и есть суд. Суд разберется. Иначе быть не должно...

Леонид Моргач, газета «Брянский рабочий»: Александр Григорьевич, знаете, если бы я от своего, российского, президента услышал хотя бы десятую долю той боли, которая звучала у вас о России, я бы пошел за тем президентом в огонь и в воду.

Сегодня я с удовольствием признаюсь: сколько лет прошло, а я по-прежнему вижу в вас эту боль за Россию. Спасибо вам за это. Спасибо от всех нас за то, что вы нас собираете. Надеюсь на то, что вы еще отметите за хорошую организацию и ваших работников пресс-центра и посольства. Спасибо вам огромное. (Аплодисменты.)

А.Г.Лукашенко: Я понял, что надо мне уже заканчивать. То, что вы сказали, это дорогого стоит. Знаете почему? Потому, что такие заявления – от души. Таких людей в России миллионы. Они не дают возможности мне и другим делать плохо для России.

У нас говорят: «Кинь вперед – сзади найдешь». Или наоборот? Ты к человеку с добром – и у него не будет возможности сделать тебе зло. Я вот придерживаюсь этого богословского, славянского нашего принципа. Вы не переживайте. Я не смогу, если бы даже захотел, поменять свою политику. Не смогу. Это смерти подобно...

Неважно, как там сегодня это интерпретируется людьми, которые временные. Мы временные – Медведев, Путин, я. Мы временные. Мы приходим и уходим. Народы остаются. И нам ни в коем случае не надо делать так, чтобы потом невозможно было все бреши заделать. Ни в коем случае...

Я чувствую в подтексте вашу боль за то, что происходит. За нас не переживайте. Вы здесь, рядом. Вы – наши люди. А в Беларуси... Как бы ни было нам сложно, трудно, мы, сжав зубы, будем терпеть. И надеяться на то, что мы будем монолитны и едины. В этом вы можете быть уверены.

Спасибо вам.

(Стенограмма пресс-конференции публикуется с незначительными сокращениями.)